

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. В. Лапин

История Кавказской войны

Пособие к лекционному курсу

Издательство
«Нестор-История»
СПб ИИ РАН

Санкт-Петербург
2003

УДК 947(479)(07)
ББК 63.3(235.7)47-36я73
Л 24

В. В. Лапин

История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. — 82 с.

ISBN 5-98187-008-7

Пособие к лекционному курсу составлялось с учетом того, как процесс присоединения Кавказа представлен в современных учебных изданиях и научной литературе. Особое внимание уделено вопросам историографии и источниковедения, а также «человеческому измерению» этого самого продолжительного конфликта в истории России, изучению войны как своеобразного культурного феномена.

Издание предназначено для студентов, преподавателей гуманитарных специальностей, слушателей общих и специальных курсов по истории России.

Работа выполнена в рамках мегапроекта «Развитие образования в России» Института «Открытое общество» (фонд Сороса).

Проект «Поддержка и развитие кафедры истории России Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского в сотрудничестве с Санкт-Петербургским институтом истории РАН». Грант НВВ 023.

На обложке: Бой с чеченцами под Акбулат-Юртом. Литография Поль-Пети по рисунку А. Козлова и В. Агена с оригинала Д. Кенига. 1849 г.

© В. В. Лапин, 2003

© Издательство Санкт-Петербургского
ИИ РАН «Нестор-История», 2003

ISBN 5-98187-008-7

От автора

Актуальность изучения истории вхождения Кавказа и Закавказья в состав Российской империи объясняется прежде всего современной ситуацией в этом традиционно взрывоопасном регионе. Высокая вероятность различного рода длительных и трудноразрешимых конфликтов на территории между Каспийским и Черным морями проистекает от того, что здесь образовался сложный клубок межэтнических и межконфессиональных противоречий, усугубленных специфическими природными условиями, разницей в культурных типах проживающих здесь народов, борьбой нескольких крупнейших мировых держав за доминирование на Кавказе.

Кавказская война XVIII–XIX вв. оказала огромное влияние на жизнь российского общества, на формирование государственной политики в национальном вопросе. События последнего десятилетия XX века на Северном Кавказе и в Закавказье продемонстрировали зависимость гражданского развития России от ситуации в межнациональных отношениях в этих регионах. Стратегические интересы России в Армении, Грузии и Азербайджане, стремление сохранить целостность территории Российской Федерации, наличие значительной доли русского населения на Кавказе и многочисленной кавказской диаспоры в России на долгие годы обеспечивают актуальность изучения проблем этого региона.

В отечественной историографии до недавнего времени тема Кавказской войны была едва ли не запрещенной, а зарубежные историки не могли создать полноценных работ из-за ограничения доступа к источникам. Освобождение российской исторической науки от идеологических и цензурных оков, доступность закрытых ранее архивов создали предпосылки для всестороннего исследования политики России на Кавказе. Однако резкое обострение ситуации в этом регионе

привели к созданию крайне неблагоприятной атмосферы для взвешенного, академического изучения событий. Межнациональные конфликты придали работам по Кавказской войне болезненно-актуальное звучание, оказавшее большое негативное воздействие на научный уровень этих сочинений.

Пособие к лекционному курсу «Кавказская война XVIII–XIX вв.» составлялось с учетом того, как процесс присоединения Кавказа представлен в современных учебных изданиях и в доступной студентам научной литературе. Ограниченный объем пособия и особенности задачи, стоявшей перед автором (помощь студентам в изучении некоторых вопросов истории Кавказской войны), определили круг затрагиваемых сюжетов. Композиция пособия и его содержание отражают намерения автора в значительной степени ликвидировать существующий в учебной литературе перекос в сторону событийной истории. Поэтому особое внимание уделено вопросам историографии и источниковедения, а также «человеческому измерению» этого самого продолжительного конфликта в истории России. Кроме того, учитывалось то обстоятельство, что война как таковая, война как культурный феномен не подвергалась до сих пор серьезному исследованию в отечественной науке.

ЛЕКЦИЯ 1. Историография. Проблематика. Источники.

1. Изучение Кавказской войны в отечественной историографии развивалось при сильнейшем влиянии идеологической составляющей, что оказало определяющее воздействие на характер исследований, на выбор сюжетов, на трактовку источников, на построение концептуальных работ.

Дореволюционная русская историография Кавказской войны имела определенное внутреннее единство, которое обеспечивалось той идеологической основой, что не без оснований называют «имперской традицией». В основе этой традиции лежит утверждение о том, что Россию на Кавказ привела геополитическая необходимость, и повышенное внимание к цивилизаторской миссии империи в этом регионе. Завоевание Кавказа характеризовалось как борьба европейского культурного начала с азиатским варварством. Одно из характерных проявлений такого подхода — отрицание горской культуры как таковой, муссирование «дикости» местных племен, уклонение от изучения войны как цивилизационного конфликта. Одним из наиболее ярких представителей этого направления был Р.А. Фадеев, издавший в 1860 году в Тифлисе публицистическую монографию «Шестьдесят лет Кавказской войны». К этой же когорте историков можно причислить Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, А.К. Зиссермана.

На формирование отечественной историографии Кавказской войны 1930–1970-х гг. большое влияние оказали высказывания о ней революционных демократов, для которых завоевание Кавказа являлось не столько научной, сколько политико-идеологической и нравственной проблемой. Роль и авторитет Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена в русском общественном движении не позволяли игнорировать их позицию.

Политически ангажированными были и статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, полностью соответствовавшие европейскому общественному мнению, которое в своей значительной части традиционно резко критически относилось к внешней и внутренней политике Российской империи. В событиях на Кавказе «классики марксизма», бывшие непререкаемым авторитетом для советских историков, видели особый фронт борьбы против жандарма Европы — царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания. Несмотря на то что сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса о Кавказской войне представляли собой не научные труды, а политические памфлеты, советские историки по идеологическим соображениям были вынуждены с ними считаться.

Утверждение классово-партийного подхода к изучению истории для Кавказской войны обернулось в 1930–1970-е годы тасованием

«антиколониального» и «антифеодального» акцентов, что в свою очередь толкало на поиск классовых конфликтов и искусственный «подъем» уровня развития социального устройства горцев до феодального. При этом старались не замечать следующего противоречия: в ходе войны в ряде регионов действительно имело место разрушение феодальных структур и торжество военной демократии. С точки зрения классового подхода все здесь выглядело вполне логично и закономерно: такого рода факты расценивались как выступление угнетенных слоев населения против эксплуатирующей верхушки. Но, в то же время, с позиций формационного учения (первобытнообщинный строй сменялся рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, за которым следовал желанный социализм), антифеодальное выступление могло расцениваться и как регресс. Эта коллизия повлекла за собой оживленные споры и бурные обсуждения в официальной советской исторической науке.

Заметное влияние на историографию Кавказской войны оказал воинствующий атеизм 1920–1930-х годов: историкам приходилось искать вариант оценки освободительного движения горцев под руководством Шамиля, в котором «антифеодальная» и «антиколониальная» составляющие затушевывали «реакционно-религиозную». Итогом стал тезис о реакционной сущности мюридизма, смягченный указанием на его роль в мобилизации народных масс на борьбу с угнетателями.

Весьма сложным оказался и процесс «включения» Шамиля и сопротивления горцев в общую картину освободительного движения в России. В 1930-е годы имам Шамиль — борец против колониальной политики царизма — был включен в список народных героев освободительного движения наряду с С. Разиным, Е. Пугачевым, С. Юлаевым. После Великой Отечественной войны такой статус Шамиля выглядел странно на фоне депортации чеченцев, ингушей и карачаевцев, и его постепенно низвели до исторических деятелей «второго разряда».

Когда же в начале 1950-х годов по страницам научной литературы началось торжественное шествие тезиса о «прогрессивном значении» присоединения национальных окраин, Шамиля перевели в разряд врагов и своего, и русского народов. Обстановка холодной войны способствовала превращению имама в религиозного изувера, британского, иранского и турецкого наемника. Дело дошло до появления тезиса об агентурном характере Кавказской войны (по словам некоторых авторов, она началась из-за происков «агентов» мирового и, в первую очередь, английского империализма, а также под воздействием сторонников пантюркизма и панисламизма).

В 1956–1957 гг. состоялось несколько научных дискуссий о природе Кавказской войны. Довольно четко выделились две группы историков. В первую вошли те, кто выступал с апологетикой Шамиля, считал его деятельность прогрессивной, а саму войну антиколониальной,

составной частью борьбы с самодержавием. Вторую группу образовали ученые, называвшие движение Шамиля реакционным явлением. Сами дискуссии оказались малопродуктивными, характерными для эпохи «хрущевской оттепели», когда уже можно было ставить вопросы, но еще нельзя было предлагать ответы. Известный компромисс был достигнут на основе ленинского тезиса о «двух Россиях» — одной, представленной царизмом и угнетателями всех видов, и другой, с лицом передовых, прогрессивных деятелей науки, культуры и освободительного движения. Первая была источником угнетения и порабощения нерусских народов, вторая несла им просвещение, экономический и культурный подъем.

Одной из ярких иллюстраций существовавшего в советский период положения в области изучения Кавказской войны является судьба монографии Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля». Эта книга, написанная на высочайшем профессиональном уровне и не утратившая своего значения до сих пор, пролежала последовательно в трех издательствах с 1934 по 1950 год, а вышла в свет только в 2000 году. Публикация казалась сотрудникам издательств делом опасным — идеологические установки резко менялись, и участие в издании, содержащем «ошибочные взгляды», могло закончиться трагически. Несмотря на реальную опасность репрессий и необходимость выполнять работу в соответствующем методическом и идеологическом русле, автор сумел продемонстрировать сложность такого исторического феномена, как Кавказская война. Отправной точкой он считал походы конца XVI — начала XVII вв. и, признавая большое значение военно-стратегического фактора в развитии событий, осторожно говорил об экономической составляющей российской экспансии. Н.И. Покровский не избегал упоминаний о набегах горцев, о жестокости, проявляемой обеими сторонами, и даже решился показать, что ряд выступлений горцев нельзя однозначно определять как антиколониальные или антифеодальные. Крайне сложной задачей являлся анализ борьбы между сторонниками шариата — свода мусульманского права — и адатов — кодексов местного обычного права, поскольку сугубо научный текст мог быть истолкован как пропаганда религиозных предрассудков или пережитков.

В целом схема Н.И. Покровского такова: российские власти не только сами эксплуатировали горцев, но и способствовали увеличению гнета со стороны местных феодалов, что вызвало крестьянское восстание 1840—1843 гг. Поскольку это восстание оформлялось религиозными лозунгами (чистота мусульманства и борьба с неверными), среди повстанцев были не только угнетенные, но и феодальная знать, а также зажиточная аульская верхушка. Эта верхушка стремилась заменить беков и ханов в роли эксплуататоров, но вынуждена была скрывать свои желания за разного рода «ширмами» и выполнять хотя бы отчасти волю крестьянства. Затем «...паразитическая верхушка аула, пытавшаяся использовать крестьянское восстание, предала его.

Отсюда двойственность во всей политике имамата и перерождение его в 1850-х гг.»

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса, основным проявлением которого был догматический подход к интерпретации исторических источников. Процесс вхождения Кавказа в состав Российской империи оказался одним из наименее изученных исторических феноменов. Сказались прежде всего идеологические ограничения, а зарубежные исследователи, как уже говорилось, не имели достаточного доступа к необходимым источникам.

Кавказская война оказалась настолько сложной и неподатливой для официальной историографии, что за полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т. д.

В середине 1980-х годов освобождение историков от идеологических ограничений казалось бы создало условия для серьезного, взвешенного, академического подхода к проблеме. Однако из-за обострения обстановки на Северном Кавказе и в Закавказье история включения этих регионов в состав Российской империи приняла болезненно актуальный характер. Поверхностное истолкование тезиса о значимости исторических уроков трансформируется в попытки использовать результаты исследований в политической борьбе. При этом стороны идут на откровенно тенденциозную трактовку свидетельств и на произвольную подборку последних. Допускаются некорректные трансплантации идеологических, религиозных и политических конструкций из прошлого в настоящее и наоборот. Например, и с формационной точки зрения, и с позиций европоцентризма кавказские народы находились на более низкой ступени общественного развития, и это было важным обоснованием для их покорения в XIX столетии. Однако в современной литературе встречаются абсурдные обвинения историков в «оправдании колониализма», если они соответствующим образом объясняли действия царского правительства. Наметилась опасная тенденция замалчивать трагические эпизоды и разного рода «щекотливые» темы. Одна из таких тем — набеговая составляющая жизни многих этносов, населявших Кавказ, другая — жестокость обеих сторон при ведении войны.

В целом, наблюдается опасный рост «национально окрашенных» подходов к изучению истории Кавказской войны, возрождение ненаучных методов, перевод научной полемики в морально-этическое русло с последующим неконструктивным «поиском виноватого».

История Кавказской войны была сильно деформирована в советский период, поскольку изучение этого феномена в рамках формационного учения было малопродуктивным. Если оставить без внимания откровенно конъюнктурные сочинения, то круг исследований по этой проблеме, вышедших в последнее время, тоже окажется совсем невелик. Его составляют монографии Н.И. Покровского, М.М. Блиева,

В.В. Дегоева, Н.С. Киняпиной, Я.А. Гордина. Кроме того, в настоящее время по этой тематике успешно работает целая группа молодых ученых, о чем свидетельствуют материалы конференций, круглых столов и т. д.

В 1983 году М.М. Блиев опубликовал в журнале «История СССР» статью, которая явилась первой попыткой вырваться за рамки «антиколониально-антифеодальной концепции». Она вышла в свет в той ситуации, когда идеологические ограничения были еще незыблемы, а деликатность темы предполагала максимальную осторожность в формулировках и подчеркнутую корректность в отношении тех, чью точку зрения автор оспаривал. Прежде всего, М.М. Блиев выразил свое несогласие с господствовавшим в отечественной исторической литературе тезисом о том, что Кавказская война носила национально-освободительный, антиколониальный характер. Он акцентировал внимание на мощной военной экспансии горцев Северного Кавказа по отношению к своим соседям, на том, что захват пленных и добычи, вымогание дани стали обычным явлением в отношениях горных племен и жителей равнин. М.М. Блиев выразил сомнение по поводу обоснованности традиционных хронологических рамок войны, выдвинув тезис о пересечении двух экспансионистских линий — имперской Российской и набеговой горской.

Статья В.В. Дегоева «Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги», опубликованная во 2-м выпуске «Сборника Русского исторического общества» за 2000 год, стала своеобразным подведением итогов изучения Кавказской войны к началу XXI столетия. Автор четко определил главный изъян большинства предшествующих исследований по истории Кавказа XIX века: «теоретические схемы и моральные оценки преобладали над системой доказательств». Значительная часть статьи — демонстрация того, как отечественные историки, находившиеся в тисках официальной методологии, испытывавшие постоянный страх, что при очередном изменении «курса» они окажутся под прицелом оголтелой и вовсе не научной критики, влекущей за собой и трагические для них последствия, пытались сконструировать нечто приемлемое с точки зрения «единственно верного учения» и с точки зрения профессионализма. Очень продуктивным выглядит тезис об отказе от признания антиколониального и антифеодального элемента в Кавказской войне доминирующим. Важными и весьма продуктивными выглядят тезисы В.В. Дегоева о влиянии геополитических и природно-климатических факторов на развитие событий. Уделом всех горских племен была постоянная война друг с другом, поскольку географические условия, особенности развития этносов (крайняя дробность языков, значительные различия в типах хозяйствования и т. д.) препятствовали их объединению в мощное протогосударство. С востока и запада они были отрезаны от остального мира морем, на юге и на севере находились враждебные экосистемы (степь и засушливое нагорье), а также мощные государства (Россия, Турция, Персия), превратившие Кавказ в зону своего соперничества.

В 2001 году вышел в свет сборник статей В.В. Дегоева «Большая игра на Кавказе: история и современность», в трех разделах которого («История», «Историография», «Историко-политическая публицистика») представлены результаты многолетних научных исследований и размышлений этого ученого. Статья «Пасынки славы: человек с ружьем в буднях Кавказской войны» посвящена повседневности многолетнего противостояния горцев и русской армии. Особую ценность этой работе придает то, что это — едва ли не первая в отечественной историографии попытка проанализировать быт войны «колониального» типа. Популярный стиль изложения материала не лишил научной значимости и другую книгу В.В. Дегоева «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин».

Заметным явлением в историографии Кавказской войны последних лет стал выход в свет книги Я.А. Гордина «Кавказ. Земля и кровь», в которой показано, как на практике реализовался некий имперский комплекс идей, как эти имперские идеи трансформировались в соответствии с обстановкой и внешними «вызовами».

2. Завоевание Россией Кавказа не стало заметным явлением и в зарубежной историографии.

В 1998 году на русском языке была опубликована монография израильского историка Моше Гаммера «Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана». Эта работа — пример того, как идеологические установки оказывали воздействие на творчество не только советских ученых. Негативно-пренебрежительный тон в описаниях действий Кавказского корпуса, общий антироссийский настрой, избыточная публицистичность вплотную пододвигают работу М. Гаммера к той грани, за которой уже нет никакой науки. Яркие примеры неразумных действий некоторых военачальников он считает достаточным основанием для общего вывода о том, что русские войска не могли в течение нескольких десятилетий преодолеть сопротивление горцев из-за глупости генералов. О «внутрикавказских» причинах конфликта ничего не говорится, о грабительских набегах — одна фраза, причем жертвами разбоев указаны только армяне и горские евреи — таты. Книга имеет довольно шаткую источниковую базу: автор, писавший ее в 1980-е годы, по понятным причинам не имел доступа к советским архивам. Сомнительными и недостаточно аргументированными выглядят и некоторые важнейшие тезисы автора. Так, по мнению Гаммера, причиной затягивания конфликта было то, что царское правительство своей непримиримостью загоняло Шамиля в угол, не оставляя места для компромисса. Главными причинами войны называются общие колонизационные тенденции в политике Петербурга и стремление империи к захвату земель.

Специальной работы зарубежных авторов о русской армии в Кавказской войне нет, но в ряде трудов американские и европейские специалисты касаются отдельных аспектов этой проблемы. Так, Томас Барретт в своей книге «На окраине империи. Терские казаки и Северо-Кавказский фронт. 1700–1860.» рассматривает процесс вживания терцев в жизнь региона в контексте истории американского фронта и подобных социокультурных процессов вообще, что позволяет ему сделать ряд ценных наблюдений. При этом Барретт четко выделяет особенности Кавказской линии, ряд ее принципиальных отличий от зоны контактов европейских переселенцев и индейских племен в Северной Америке (Barrett M. Thomas. *At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860.* Westview Press, 1999).

3. Деформации в разработке истории включения Кавказа и Закавказья в состав Российской империи под воздействием идеологического пресса стали причиной того, что едва ли не все вопросы, связанные с этим процессом, являются на сегодняшний день дискуссионными.

Основной спорный пункт для серьезных исследователей можно обозначить следующим образом: что лежит в основе такого масштабного конфликта — продвижение России на Кавказ или реалии самого этого региона (военная активность горцев)?

Другие вопросы также имеют важное значение не только для истории данного региона, но и для истории формирования Российской империи, для понимания социальных, экономических и политических процессов, протекавших в стране. Почему наиболее ожесточенное сопротивление правительственным войскам встретили в горных районах с наиболее низким уровнем развития производительных сил? Почему военная машина самодержавия, в течение полутора веков не дававшая серьезных сбоев в Европе, с большим трудом обеспечила контроль над сравнительно небольшой территорией Чечни и Дагестана? Чем объясняется «пульсирующий» ритм военных действий (чередование восстаний и временных «умиротворений»? Каковы были механизмы возникновения и погашения конфликтов? К какому типу вооруженных столкновений можно отнести Кавказскую войну? Какие она имеет отличительные и какие общие черты по сравнению с другими войнами, в которых участвовали противники, имевшие разные культурные типы предшествовавшего развития?

4. Ограничение Кавказской войны традиционными хронологическими границами (1817–1864) — продукт развития отечественной историографии, посвященной присоединению Кавказа и Закавказья к России, находившейся в рамках формационного учения и «антифеодально-антиколониальной» парадигмы, результат стремления поместить исторические реалии в границы концепции добровольного вхождения народов в состав России.

Как это ни покажется странным, но едва ли не центральной проблемой изучения Кавказской войны является определение того, что следует включать в рамки этого исторического феномена в хронологическом и событийном отношениях.

Дело в том, что традиционные временные рамки Кавказской войны (1817–1864 гг.) и столь же традиционная идентификация этого конфликта с боевыми действиями в Адыгее, Чечне и Дагестане выглядят очень уязвимыми, поскольку не дают внятного ответа на целый ряд вопросов:

1. Если покорение Северного Кавказа началось с основания крепостей на территории Чечни и Дагестана, то чем считать боевые действия в Кабарде, Осетии, на Кубани и Тереке, в Чечне, на Лезгинской линии в XVIII–начале XIX вв.?

2. Почему, при традиционной оценке этой войны — как антиколониальной и антифеодальной, в нее не вошел Персидский поход Петра Великого 1722–1723 гг., направленный как раз на завоевание «богатых земель»?

3. Почему профессиональные историки согласились признать 1864 год финальным в этой эпопее, если до начала 1880-х годов требовалась 200-тысячная группировка русских войск для поддержания спокойствия в крае, а в 1877 году вспыхнуло восстание, немногим уступавшее по своему масштабу аналогичным событиям эпохи Шамиля?

4. Почему при явной взаимосвязанности процессов присоединения Закавказья и Северного Кавказа в историографии наблюдается столь же явное стремление изучать эти процессы по отдельности?

В дореволюционной историографии существовала устойчивая традиция рассматривать боевые действия на Северном Кавказе как нечто единое, вместе с войнами против Турции и Персии. Энциклопедии XIX–начала XX вв. использовали выражение «Кавказские войны» для обозначения *всего* процесса присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних турецких и иранских рубежей. При этом особо выделялась «Кавказско-горская война», но и она представляла собой более широкое понятие, нежели покорение Чечни, Дагестана и Адыгеи.

В советской исторической науке сначала сохранялась приверженность широкой трактовке понятия «Кавказские войны» от второй половины XVI до середины XIX вв. «Большая Советская энциклопедия» только добавила в 1953 году обязательное для эпохи холодной войны указание на провокационную роль Турции, Персии и Англии. В «Советской исторической энциклопедии» Кавказскими войнами названы боевые действия XVIII–XIX вв., «...связанные с завоеванием Кавказа русским царизмом», а также «...подавление царизмом ряда антифеодальных движений кавказских народов, вооруженное вмешательство России в феодальные междоусобицы на Кавказе, войны России с претендовавшими на Кавказ Ираном и Турцией». При этом была особо выделена «собственно Кавказская война» 1817–1864 гг. Наконец, в 1973 году, уже после официального провозглашения Л.И. Брежневым «новой исторической общности — советского народа», «Большая Советская энциклопедия» ограничила Кавказскую войну (а не Кавказские войны, как это называлось ранее) 1817–1864 годами, а географически — Чечней, Горным Дагестаном и северо-западным Кавказом.

Такое смещение акцентов можно объяснить увеличением значимости тезиса о добровольном вхождении народов в состав Российской империи. Несложный хронологический трюк давал возможность отделить кровавое и трудное завоевание Чечни, Северного Дагестана и Адыгеи от сравнительно малокровного присоединения других территорий. В результате, история Абхазии, Кабарды и Осетии «отделялась» от истории других районов Северного Кавказа.

Традиционная хронология Кавказской войны позволяет называть ее национально-освободительной, поскольку вторжения русских войск на территорию Чечни и Дагестана, устройство там опорных пунктов имперской власти безусловно затмевают набеговую составляющую конфликта, которая была самой главной в XVIII–начале XIX столетия. Кроме того, сильный акцент на «антифеодальный», «освободительный» характер Кавказской войны обеспечивал ее полную хронологическую совместимость с «общим» направлением и периодизацией борьбы населения многонациональной России против крепостнической эксплуатации.

5. Расширение хронологических рамок Кавказской войны позволяет избавиться от негативного методологического наследия, отказаться от мало перспективных попыток искать внутреннее единство в типологически разных исторических явлениях и, как следствие, — выявить природу этого исторического феномена, в конечном счете — дать ему некую «обобщающую» характеристику.

Непредвзятый анализ хроники боевых действий в этом регионе позволяет считать началом завоевания Кавказа Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 гг., а ее окончанием — подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году. Более ранние военные предприятия России XVI–начала XVIII вв. можно отнести к предыстории событий.

Своеобразным символом единства процесса присоединения Кавказа является список сюжетов, заказанных Военным министерством известному художнику-баталисту Ф.А. Рубо для «Храма славы» в Тифлисе. 17 полотен должны были изображать важнейшие с официальной точки зрения события: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года»; «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года».

6. Кавказская война — собирательное понятие. Этот вооруженный конфликт лишен внутреннего единства, и для продуктивного его изучения целесообразно разделение Кавказской войны на ряд достаточно обособленных частей, выделенных из общего потока событий по принципу важнейшей составляющей данного конкретного эпизода (группы эпизодов) военных действий.

Соппротивление вольных обществ, военная активность местной элиты и деятельность имама Шамиля в Дагестане — это три разные «войны».

Вооруженное противостояние любым попыткам иноземцев покуситься на свободу нельзя уравнивать со «священной войной» против неверных. Другими словами, дать однозначное определение Кавказской войне невозможно потому, что этот исторический феномен лишен внутреннего единства и приобрел современные очертания

исключительно благодаря территориальной локализации. Процесс вхождения Кавказа в состав России настолько сложен, что поклонники любой теории могут найти в нем богатый материал для своих построений. Это в полной мере проявилось в историографии 1930—1950-х гг., при лавировании между смертельно опасными ярлыками «буржуазно-националистического» и «великодержавно-шовинистического» подходов.

7. Одна из важнейших проблем истории присоединения Кавказа к России — характер действия вооруженных сил империи в процессе установления власти «метрополии» на национальных окраинах. Поведение европейской армии в неевропейской войне — важный аспект изучения формирования многонационального государства. В свою очередь, решение этих задач сдерживается слабым развитием отечественной военно-исторической антропологии.

Историческая литература не дает внятного ответа на вопрос: почему армия России, одерживая решительные победы над турецкими и персидскими войсками, в течение нескольких десятилетий ценой огромных усилий и потерь добивалась покорности от племен Северного Кавказа? Одной из причин отсутствия такого ответа является то, что слабо исследована военная субкультура, нет работ, в которых вооруженные силы изучались бы с позиций исторической антропологии. Нет исследований с междисциплинарным подходом; внимание политологов, военных социологов и психологов уделено в основном армиям и войнам XX столетия.

При всей обширности отечественной военной историографии описание событий крайне редко выходит за рамки военно-полевой парадигмы. Мы имеем в виду более широкий взгляд на войну, нежели тот, где все сводится к политическим и дипломатическим интригам, маршам и сражениям, военным подвигам и изменениям в линии границ.

8. Практически все стороны истории присоединения Кавказа к России хорошо обеспечены историческими источниками разных типов, позволяющих проводить необходимый анализ содержащихся в них сведений.

Первостепенное значение для истории Кавказской войны имеют материалы, хранящиеся в Российском Государственном Военно-историческом архиве (РГВИА). Это документы высших и центральных учреждений военного ведомства (Военно-ученый комитет, Инспекторский департамент, Канцелярия начальника Главного штаба Е.И.В., Главное управление казачьих войск); бумаги местных органов управления войсками (Штаб командующего войсками Терской области,

Управление Центром Кавказской линии, Кавказское линейное казачье войско, Штаб командующего войсками на Лезгинской кордонной линии, Главный штаб Кавказского корпуса и армии). Особую группу составляют документы Военно-ученого архива и коллекции «Кавказские войны». В РГВИА хранятся также личные фонды военачальников, оставивших заметный след в истории Кавказской войны (П.Х. Граббе, А.П. Ермолова, Ф.К. Клюки фон Клюгенау, Н.Н. Муравьева-Карского, И.Ф. Паскевича, Н.Н. Раевского и др.).

В фондах Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) содержится ценная информация об организации крейсерства у берегов Адыгеи и Абхазии, о десантных операциях, снабжении фортов Черноморской береговой линии, обустройстве морских баз на побережье Кавказа — в Новороссийске, Геленджике, Сухуми, Поти, Батуми.

Разного рода донесения о ходе боевых действий регулярно публиковались на страницах газеты «Кавказ», с последующей перепечаткой в официозе Военного министерства — газете «Русский инвалид». Эти материалы проходили цензурирование наследником в. к. Александром Николаевичем и самим императором. Какой-либо установившейся закономерности в «графике» участия этих лиц в чтении депеш установить не удалось. Практически во все публикации царь и цесаревич вносили исправления, причем в некоторых случаях они объясняли на полях причину своего вмешательства. Из текстов изымались сведения, которые составляли военную тайну. К таковым относились разного рода предположения о будущих операциях, сведения о родах и племенах, готовых перейти на российскую сторону, данные о месте расположения войск и начальствующих лиц. Державный карандаш убирал из текста известия о стихийных бедствиях сообщение о том, что после боя на Лезгинской линии тушины-милиционеры отрезали у павших горцев кисти рук «...и представили ближайшему начальству», что милиция грабила «мирные» аулы, что горцы в нескольких стычках «...имели некоторый успех», что среди добычи в одном из селений оказалось много хороших бурок. В статье о Шамиле аккуратно были вычеркнуты слова «деспот» и «деспотичный». В целом император удалял из публикаций «ненужные частности», придавая им характер строгого военного рапорта.

Данные официальных документов всех типов — от рапортов командиров отдельных частей до отчетов военачальников высших уровней — должны восприниматься с должной долей критичности по целому ряду причин. Во-первых, к событиям на Кавказе в полной мере относится крылатая фраза о том, что первой жертвой на каждой войне является правда. Во-вторых, даже при стремлении как можно правдивее описать происходящее автор репортажа не в состоянии это сделать из-за сложности самой батальной картины. В отличие от «европейских» войн, где эпизоды сражения наблюдались и оценивались с разных позиций и разными людьми, в Кавказской войне очень

часто никто не мог предложить альтернативный вариант описания, поскольку командир экспедиционного отряда оказывался единственным автором единственного официального документа. Рапорт — сочинение особого жанра, имеющего свои законы, приемы отражения и искажения действительности, свой язык и внутреннюю структуру. Даже беглое сопоставление официальных докладов о боях с воспоминаниями и дневниками участников этих сражений показывает, что генеральское перо далеко не безгрешно. Многие рапорты содержат противоречия, видимые невооруженному взгляду. Например, сообщения о полной победе и паническом бегстве разгромленного неприятеля совмещается с упоминанием о том, что горцам удалось не только вынести всех своих убитых и раненых, но еще и благополучно угнать скот, за которым они, собственно, и пришли за Кубань. Скорость передвижения овец и коров никак не соответствует представлениям о поспешном отступлении. Судя по донесениям русских генералов, многотысячные конные отряды противника едва ли мгновенно появлялись и исчезали, быстро перемещались на значительные расстояния, что вряд ли было доступно горцам даже при их удивительной подвижности, поскольку передвижение больших людских масс в горах сопряжено с известными трудностями для всех, включая местных жителей, привычных к таким условиям.

Характерным искажением является завышение численности противника и его потерь. По рапортам за некоторые годы складывается впечатление о существовании средней пропорции — на одного павшего русского солдата приходится около сорока убитых горцев.

Ценным источником сведений о событиях на Кавказе и важным средством для критического анализа документов официального происхождения являются мемуары участников войны. Высокий интерес к этой странице отечественной истории вплоть до начала Первой мировой войны способствовал тому, что было написано более 500 воспоминаний разного объема — от коротких заметок в несколько страниц до сочинений, вышедших отдельными книгами. Большая часть этих воспоминаний опубликована в альманахе «Кавказский вестник», в журналах «Военный сборник», «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.

Широкий круг авторов позволяет взглянуть на события глазами крупного военачальника, наделенного огромной властью и отягченного столь же огромной ответственностью, командира отдельного экспедиционного отряда, действовавшего на свой страх и риск, столичного гвардейца, залетевшего в Чечню за чинами и крестами, штабиста-интеллектуала (например, будущего военного министра Д.А. Милютин), простого офицера, «тянувшего лямку» на Кавказе, и даже нижнего чина, чудом уцелевшего в бою, бежавшего из плена и после отставки осевшего на этой завоеванной окраине империи.

О том, как воспринимались события на Кавказе в высших эшелонах российской власти, говорится в записках столичных чиновников

«министерского ранга». Перечислим лишь некоторых из них: «О способах лучше привлекать к себе горцев» Н.С. Мордвинова; «О методах покорения горцев Северного Кавказа» И.Ф. Паскевича; «О завершении Кавказской войны форсированным способом» Д.А. Милютин.

В 1876 году по инициативе наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича началось издание специального альманаха «Кавказский сборник», большую часть страниц которого занимают воспоминания участников войны. Всего до 1911 года вышел 31 том. Кроме того, во второй половине XIX века были изданы многотомные собрания историко-этнографических материалов — «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В 1866 году вышел в свет первый из 12-ти томов публикации документов, собранных Кавказской Археографической комиссией под руководством А.Д. Берже. В послереволюционный период также издавались ценные собрания документов — «Движение горцев северо-восточного Кавказа» и др.

Из 27 пехотных и кавалерийских полков, составлявших в 1859 году Отдельный Кавказский корпус, 13 имеют опубликованные полковые истории, которые содержат развернутые описания событий, относящихся ко времени «умиротворения» этого края. Эти издания сближает с документальными публикациями то обстоятельство, что все они написаны на основании материалов, большая часть которых не сохранилась (бумаги полковых канцелярий, специально собранные воспоминания ветеранов и другие «исторические предания»).

Важным источником по истории Кавказской войны являются произведения художественной литературы: А.А. Бестужев-Марлинский — «Мулла-Нур», «Аммалат-бек», «Письма из Дагестана»; М.Ю. Лермонтов — «Герой нашего времени», «Валерик»; Л.Н. Толстой — «Казаки», «Хаджи-Мурат», «Рубка леса. (Рассказ юнкера)». Эти литераторы — участники боев и походов, оставили потомкам множество ценных сведений как о событиях, свидетелями которых они являлись, так и об отношении русского общества к этой войне. Позиции тогдашних «властителей дум» в кавказском вопросе раскрывают работы А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

До настоящего времени отечественной историографией недостаточно востребован ценный комплекс источников изобразительного характера. Особое место здесь занимает графика Г.Г. Гагарина, П.Н. Грузинского, Ф.Ф. Горшфельда, К.Н. Филиппова, Н.А. Зауервейда, Л.Ф. Лагорио и других художников, бывавших на Кавказе и даже участвовавших в боевых операциях. Их рисунки и гравюры частично опубликованы в «Художественном листке» в 1851–1865 гг., частично сохранились в различных архивных и художественных коллекциях. Полотна Ф.А. Рубо, И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Н.С. Самокиша,

Н. Сверчкова и другие мастеров отечественной батальной живописи создавались на основе зарисовок мест событий, по рассказам живых свидетелей. Разумеется, работы художников лишь в незначительной степени могут претендовать на «документальность», но они представляют собой ценный материал, отразивший информацию о том, как события на Кавказе воспринимались российским обществом, как развивался процесс формирования национальной памяти об этой эпопее. К этому разряду источников относятся и мемориальные сооружения, воздвигнутые на Кавказе в честь побед русского оружия.

9. Главной особенностью корпуса источников о Кавказской войне является то, что их подавляющая часть освещает события с российской стороны.

Объясняется это тем, что едва ли не все народы, оказывавшие сопротивление России, не имели своей письменности, а немногие документы, написанные на арабском языке, практически вышли из-под пера ученых мулл. Это были безусловно осведомленные люди, но сам жанр их сочинений — религиозное писание — придавало им сходство со средневековыми хрониками: тот же религиозный дух, то же некритическое отношение к источникам информации, то же переплетение реалий и «чудес», та же риторика. Кроме того, ряд этих сочинений, сохранившихся только в печатном виде, прошли жесткую цензуру русских издателей. Большое влияние на содержание этих источников оказало и то обстоятельство, что их авторы были скованы конкретными, сложившимися на тот или иной момент политическими условиями. Так, например, Мугеддин-Магомед-Ханов, написавший «Истинные и ложные последователи тариката», получил предложение написать его при выпуске из-под ареста. Гаджи-Али в своем «Сказании очевидца о Шамиле» допускает явно вынужденный пассаж «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери... Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских». Редактированию, объем и содержание которого в полной мере установить затруднительно, был подвергнут и сборник документов, известный как «Низам Шамиля».

Эта односторонность источниковой базы создает значительные трудности при реконструкции картины событий двухвековой давности. Так, например, невозможно точно определить этническую принадлежность участников тех или иных событий в связи с разнородной терминологией. Этнические аварцы фигурируют в официальных документах то как тавлинцы (так их называли дагестанские соседи), то как лезгины (так их именовали в Грузии), то по названиям территорий, аулов или племенных союзов (хунзахцы).

ЛЕКЦИЯ 2. Хроника Кавказской войны.

1. Присоединение Кавказа к России было длительным и сложным процессом, протекавшим в XVI — XIX столетиях. В своем движении на Кавказ Российская империя не имела перед собой единого противника. Поэтому процесс присоединения этого региона представлял собой совокупность множества военных конфликтов различной интенсивности и длительности, развивавшихся в постоянно изменявшейся геополитической обстановке.

Политическая карта Кавказа XVI—первой половины XIX вв. отличалась пестротой, постоянными изменениями и неопределенностью очертаний границ. Здесь существовали и государства с многовековой историей, писаным правом и развитым управленческим аппаратом (Грузия-Карталиния), и племена, находившиеся на уровне военной демократии (горцы). Регион не отличался внутренней стабильностью, поскольку феодальная вольница вкупе с институтом кровной мести давали поистине взрывоопасную смесь, детонировавшую при каждом потрясении (внешняя агрессия, династические распри, смерть правителя и т. д.). Практически все государства и родоплеменные организации имели конфликты со своими соседями. Одни территории то подчинялись местным владыкам, то отстаивали свою независимость, другие, спорные, переходили из рук в руки. Владения дробились или соединялись в зависимости от ситуации в династических спорах. Нередким было и такое явление: номинально независимые владения следовали в фарватере политики более сильного соседа.

Не менее пестрой была и этническая карта. Равнинные и предгорные районы Дагестана делили между собой несколько ханств (Аварское, Дербентское, Кюринское, Казикумухское, Елисуйское, Тарковское). Кроме феодальных государственных образований, на территории Дагестана (практически все горные районы) существовало около 80 так называемых «вольных» обществ, причем некоторые объединялись в «федерации». Это были особые этнотерриториальные и политические объединения свободных общинников, управлявшиеся по принципам военной демократии. Наиболее крупными из них были: Салаватия, Гумбет, Анди, Койсубу, Андалал, Гидатль, Дидо и др. На территории нынешней Армении и Азербайджана находились: Гянджинское, Эриванское, Талышское, Карабахское, Нухинское, Дербентское, Шекинское, Ширванское и Бакинское ханства.

К западу от Дагестана жили чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, разделенные на несколько родоплеменных образований, находившихся в состоянии перманентного соперничества, часто переходящего в открытую вражду. В горных районах к югу от поселений

кабардинцев проживали балкарцы и карачаевцы. На Черноморском побережье и в бассейне реки Кубань проживали многочисленные племена черкесов. Грузия была разделена на четыре независимых государства — Карталинию-Кахетию, Имеретию, Гурию и Мингрелию. Кроме того, чисто номинальной была зависимость племен, живших в высокогорных районах (хевсуры, тушеты, пшавы, сваны). Большой участок побережья и прилегающих к нему гор населяли абхазы.

Натуральное и полунатуральное сельское хозяйство было основным занятием населения этого региона, хотя на Северном Кавказе существовало и несколько центров ремесленного производства (оружие, металлическая посуда, бурки). На гораздо более высоком уровне экономического развития находились государства Закавказья. Здесь существовали довольно крупные торгово-ремесленные центры.

2. До начала XVIII века политика России на Кавказе определялась тремя факторами: поддержка естественных союзников (Кабарды и Грузии) в противостоянии Турции и Крымскому ханству, обеспечение интересов русской торговли с Персией, защита юго-восточных уездов от набегов.

В 1552 году несколько представителей кабардинской знати обратились к России с просьбой о принятии в подданство и защите от внешних врагов. Важным знаковым событием стала женитьба Ивана Грозного на дочери кабардинского князя в 1561 году. В последующее десятилетие русские время от времени помогали своим союзникам в борьбе с татарами и их местными сторонниками, а отряды кабардинцев воевали совместно с царскими ратями в Ливонии, на литовской и крымской границах. Выполнением союзнических обязательств стали походы 1560, 1567 и 1591 гг. на ханство (шамхальство) Тарковское в Северном Дагестане, с которым кабардинские князья имели неприязненные отношения. В 1588 году в устье реки Терек была основана крепость Терки. Это был серьезный для этих мест опорный пункт (трехтысячный гарнизон, артиллерия). Кроме того, Москва оказывала поддержку общинам вольных казаков, селившихся по Терку.

В 1594 году Россия решила вмешаться в местные династические распри. Отряд воеводы А. Хворостинина без особых усилий разбил войска шамхала на реке Койсу и овладел городом Тарки. Но, не получив изъявления покорности, московская рать начала отступление к Астрахани, потеряв при ретиреде три четверти отряда. В 1604 году горцы в союзе с татарами напали на русские городки, расположенные на Терке. Одной из причин этого нападения были «шалости» казаков. В ответ летом 1605 года воеводы И.М. Бутурлин и Плещеев повторили попытку А. Хворостинина с еще более трагическим исходом: после

взятия Тарков и разгрома местного ополчения русские войска вновь оказались в западне. Несмотря на договор (русские уходят восвояси, обязуясь впредь не нападать на шамхальство), отступающий отряд был захвачен врасплох на первом же привале и перебит до последнего человека. Эти события многократно повторялись в ходе покорения Кавказа: сравнительно легкое наступление, проблемы в обеспечении войск провиантом и фуражом, малоэффективное занятие «стратегических пунктов», ненадежность туземных союзников, нарушение договоренностей со стороны противников, огромные санитарные потери из-за непривычного климата, тяжелейшее отступление с висящими на плечах врагами.

3. В XVIII столетии противодействие персидской и турецкой экспансии на Восточном Кавказе и создание более благоприятных условий для русских купцов в этом регионе нашли свое отражение в Персидском походе Петра Великого и действиях корпуса В.А. Зубова.

В начале XVIII века Персия, переживавшая период упадка и раздробленности, стала уступать в давнем соперничестве с Турцией и Россией в Дагестане и Азербайджане. Петр I видел выгоду момента для установления контроля над торговыми путями «в Индию», но решился на Персидский поход только после завершения войны со Швецией. В 1722–1723 гг. русские войска при поддержке флота прошли до южного берега Каспия, без особого труда подавляя сопротивление тех племен и владык, которые пытались им противодействовать. Непосредственным поводом для похода стал разгром русских купцов в городе Шемахе, учиненный в 1721 году.

Договор 1723 года, передавший во владение России все западное и южное побережье Каспийского моря, не признавался Турцией и местными ханами, которые до того времени только номинально являлись подданными шаха. Для того, чтобы уладить отношения со Стамбулом, Петербургу пришлось признать Грузию сферой турецких интересов и на несколько десятилетий отказаться от активной политики в Закавказье.

Враждебность со стороны коренного населения, огромные расходы на содержание гарнизонов, высокая смертность среди военнослужащих и внешнеполитические осложнения привели к тому, что в 1735 году русские войска ушли из Персии и Азербайджана, а в 1743 году — из Дагестана. Терек вновь стал пограничной рекой, на которой происходили постоянные стычки между казаками и горцами. В 1775 году Екатерина II послала карательную экспедицию в Дагестан в наказание за смерть взятого в заложники ученого С.Г. Гмелина.

Персия, используя ослабление Турции в войнах второй половины XVIII века, в 1795 году в очередной раз попыталась вернуть прежние позиции в Дагестане, что встретило сопротивление со стороны местной элиты, обратившейся за помощью к России. К тому времени продвижение на юг стало важной составляющей имперской политики, и Екатерина II направила в Закавказье 30-тысячную группировку под командованием В.А. Зубова. После боев с войсками дербентского и казикумухского ханов русская армия прошла до реки Аракс и заняла гарнизонами ряд ключевых пунктов Дагестана и Азербайджана. Павел I отвел войска обратно за Терек.

4. В XVIII веке возросла роль Северного Кавказа и Закавказья как антитурецкого фронта. Включение Восточной Грузии (Картли-Кахетии) в состав империи создало предпосылки для столкновений с соседними племенами и государствами. Присоединение Западной Грузии, Азербайджана, Кабарды и Осетии во второй половине XVIII–начале XIX вв. было обусловлено прежде всего военно-стратегическими обстоятельствами (обеспечение безопасности Грузии, установление надежной связи Закавказья с Россией).

В 1711 году для отвлечения турецких сил от основного Балканского театра военных действий на Кубань был послан корпус генерала С.Ф. Апраксина. В 1768–1772 гг. в Грузии находился русский отряд, направленный туда по просьбе грузинских правителей и принявший участие в нескольких столкновениях с турецкими войсками. В 1783 году в г. Георгиевске был заключен трактат о переходе Грузии под покровительство своего северного соседа, который стал логическим завершением процесса, основанного на геополитических реалиях того времени. В Грузию пришли русские войска — чуть более 2000 человек при 4-х орудиях, которые не могли сыграть заметной роли в войне с Турцией или Персией, но могли стать гарантом стабильности в самой Грузии, раздираемой династическими распрями и феодальными усобицами. Однако противники Георгиевского трактата в самой Грузии и за ее пределами добились своего — в 1787 году русские войска вновь ушли на Кубань. В 1795 году персидские войска разорили Тифлис, а внутренние неурядицы грузинских государств приняли масштабы национального бедствия. Грузинская элита, ориентированная на Россию, сделала окончательный выбор. В страну в третий раз (в 1799 году) пришли российские части, сразу включившиеся в борьбу с противниками, действовавшими практически со всех направлений. Наибольшую опасность представляли отряды аварского правителя Омар-хана. Соединенное русско-грузинское войско

нанесло ему сокрушительное поражение летом 1800 года в долине реки Алазани. Кахетия была избавлена от опустошительных ежегодных набегов горцев, что позволило начать экономическое возрождение этого богатейшего края.

До середины XVIII века Россия и Кабарда смотрели друг на друга как на равноправных союзников в борьбе с Крымом и Турцией. Основание крепости Моздок в 1763 году насторожило местную знать, которая категорически возражала против постоянного присутствия русских войск в своих землях. Петербург, используя феодальные распри и социальные конфликты в своих целях, сумел избежать организованного сопротивления своим планам подчинения этого стратегически важного региона. В 1772 году Крымское ханство «уступило» Кабарду России, а Турция в 1774 году согласилась на такое изменение границы. Местные же князья предпочитали независимость при номинальном признании подданства, и поэтому конец XVIII—начало XIX вв. отмечены мощными антироссийскими выступлениями кабардинцев (1774, 1778–1779, 1785, 1794–1795, 1804, 1810, 1822 и 1825 гг.). Во время последовавшего затем сравнительно мирного двадцатилетия местная знать убедилась в бесполезности сопротивления и в стабильности своего социального статуса. Поэтому в 1846 году кабардинские князья не только сами не примкнули к Шамилю, когда тот пришел в Кабарду, но и удержали народ от массового вступления в войска имама.

Сближение Осетии и России основывалось на некоторых общих интересах: одна сторона получала защиту от агрессивных соседей, другая — безопасность продвижения по дорогам, ведущим в Закавказье (будущие Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги). В 1770 году был заключен договор с несколькими «обществами» Восточной Осетии на следующих условиях: русские оказывают осетинам военную помощь, оплачивают часть расходов по строительству мостов на Военно-Грузинской дороге; осетины содержат в исправности дорогу и помогают проходящим командам и курьерам. Несмотря на это и другие соглашения, «шалости» на дороге продолжались, что вызывало ответные действия. В 1804 году побои и притеснения со стороны русского начальства вкупе с провоцирующими действиями некоторых осетинских феодалов привели к восстанию, подавленному жестокими карательными мерами. В 1810 и 1812 годах в зоне дороги вспыхнули новые восстания на социальной почве — прорвалось недовольство налоговой политикой, проводимой в крае. В 1830 году русское командование решило установить полный контроль над Осетией, что было достигнуто путем неоправданно жестоких репрессий по отношению к местному населению.

Установление гегемонии России на Черном море создало предпосылки для присоединения Западной Грузии: таким образом создавалась

коммуникационная линия, соединявшая Закавказье с Крымом через порты Поти и Редут-Кале. Кроме того, размещение гарнизонов в Имеретии, Гурии и Мингрелии обеспечивало безопасность западных границ закавказских владений, улучшало стратегические позиции на случай столкновения с Турцией. В 1804 году при военном давлении в состав империи была включена Имеретия. Прямого столкновения удалось избежать, но имеретинский царь Соломон после долгих проволочек под угрозой введения русских войск на территорию его владений подписал соответствующие соглашения. В 1810 году Соломон был низложен за откровенно протурецкую политику, а само царство потеряло автономию, правившая династия отстранена от управления. Это вызвало массовое восстание, которое в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны доставило немало хлопот кавказскому командованию. В том же 1810 году Гурия, поставленная перед нелегким выбором — Турция или Россия, отдала предпочтение последней. В 1810 году с необходимостью покориться России смирилась и Мингрелия, которая могла отстоять свою независимость только неприемлемой для нее ценой полного подчинения Турции. В 1812 году в Кахетии вспыхнуло восстание, вызванное выколачиванием недоимок и насилием со стороны военных. Русские гарнизоны, расположенные вдоль границы с Дагестаном для защиты Кахетии от набегов лезгин, подверглись нападению вооруженных крестьян и примкнувших к восстанию местных князей. Последние были недовольны ущемлением их феодальных вольностей. Ситуация осложнилась тем, что лезгины не преминули воспользоваться удобным моментом и вторглись в Кахетию. Командование жесткими мерами погасило выступление, в ходе которого правительственные войска потеряли убитыми и ранеными более 700 человек.

Для установления контроля над долиной Куры, которая служила дорогой в Грузию, в 1804 году русские войска взяли Гянджу, что развязало войну с Персией. В 1805—1807 гг. силой оружия или угрозой его применения были присоединены Шурагельское, Ширванское, Шекинское, Карабахское, Бакинское и Кубинское ханства, в 1811 году настала очередь Кюринского ханства. В 1813 году к России отошло Талышское ханство. Расположенная в нем крепость Ленкорань не только закрывала проход из Персии, но и могла служить опорным пунктом для русского флота в Южной части Каспийского моря. Граница установилась по рубежу, удовлетворявшему военных (долина реки Аракс и Талышские горы).

В 1813 году два пехотных батальона сумели пробраться вглубь Хевсуретии и разгромить местное ополчение, защищавшее беглого грузинского царевича Александра. До того времени появление чужаков в этом труднодоступном высокогорном районе считалось невозможным, равно как и поражение непобедимых хевсуров.

Защита Восточной Грузии от нападения лезгин Джаро-Белоканского геза (союза) путем создания цепочки небольших укреплений вдоль

реки Алазани оказалась совершенно неэффективной — горцы без усилий прорывали кордонную линию, грабили села, угоняли людей и скот. В 1803 году отряд генерал-майора В.С. Гулякова разгромил лезгин и вынудил их заявить о своей покорности. Хотя официальной датой присоединения к России Джаро-Белокан считается 1806 год, жители этой территории неоднократно поднимали восстания. В 1830 году была образована Лезгинская кордонная линия, ситуация на которой была спокойной до середины 1840-х годов, если не учитывать постоянные мелкие стычки с небольшими отрядами «хищников», искавших добычи в Кахетии.

5. До начала XIX века Россия не пыталась установить контроль над Адыгеей, Чечней и Горным Дагестаном. Проблему набегов на приграничные российские земли предполагалось решить укреплением оборонительных линий по Кубани, Тереку и Алазани, созданием буферных «замиренных» территорий и проведением карательных экспедиций.

После русско-турецкой войны 1768—1774 гг. началось строительство оборонительной линии, протянувшейся к 1783 году от устья Кубани до устья Терека и состоявшей из нескольких десятков укреплений разного класса. Военная необходимость (предупреждение набегов), а также общепринятая в Европе норма маркировать границу сторожевыми пунктами и укреплениями, привели к тому, что в предгорьях Кавказа появились сильнейшие раздражители для местных племен. Сама линия стала источником военной добычи, местом приложения сил воинственной молодежи. Враждебные действия со стороны туземцев влекли за собой карательные акции правительственных войск, которые оказывали на воинственное население при условии существования института кровной мести действие, подобное действию ветра на огонь. После первых жертв с обеих сторон о причинах конфликта говорить бессмысленно — всегда находились люди, для которых старые обиды являлись достаточным поводом для нападения. Крупные сражения с горцами на Западном Кавказе происходили в тех случаях, когда большие отряды черкесов устраивали набеги и когда русские войска совершали рейды к турецкой крепости Анапа. Мелкие же стычки на Кубани происходили практически ежедневно.

В Чечне неоднократно заключались мирные соглашения, не приносившие успокоения в этот край. Большинство походов за Терек сопровождалось разорением чеченских аулов и значительными потерями экспедиционных отрядов. В 1732 году отряд полковника Коха в составе 300 пехотинцев и 200 казаков сжег аул Чечен, но был разбит в лесном бою недалеко от аула Эндери, потеряв при этом 125 убитыми и

75 ранеными. В 1758 году Военная коллегия приказала наказать чеченцев за набеги, рассчитывая разорением приграничных аулов утратить горцев. Однако заметный результат вновь не был получен — нападения продолжались, равно как и карательные экспедиции, особенно масштабные в 1769 и 1783 гг. В 1785 году отряд полковника Н.Ю. Пьери в составе 4-х батальонов при двух орудиях был истреблен в лесном бою после неудачной попытки захватить мусульманского проповедника Ушурму, принявшего титул шейха Мансура и объявившего русским «священную войну».

6. В 1817–1818 гг. начинается новый этап присоединения Кавказа к России — постепенное установление контроля над горными районами Западного и Северо-Восточного Кавказа путем комбинации различных действий (экономическая блокада, карательные экспедиции, устройство крепостей в стратегически важных точках, сведение лесов, строительство дорог, выселение горцев на равнину, основание казачьих станиц на землях горцев для закрепления российского «присутствия»).

Опыт боевых действий XVIII—начала XIX вв. показал невозможность достижения результатов или, как тогда говорили, «умиротворения» горцев с помощью карательных экспедиций или кордонных линий. Наступил новый этап присоединения Кавказа — установление контроля над горными районами Дагестана, Чечни и Черкесии. В 1817 году началось перенесение оборонительной линии с Терека на Сунжу, была основана крепость Грозная. В 1819 году около аула Эндери в горном Дагестане была возведена крепость Внезапная, что вызвало ожесточенное сопротивление дагестанских ханов и соседних «вольных» обществ.

К этому времени экспедиции в Чечне в полной мере продемонстрировали, что регулярные войска практически не имели шансов на успех в боях в местных дебрях. В 1819 году здесь началась систематическая рубка леса и постепенное продвижение вглубь Чечни, ответом на которое стало восстание под руководством Бей-Булата в 1821 году. К концу 1820-х годов население большей части Чечни и Дагестана, утомленное войной, прекратило сопротивление, и на Северном Кавказе установилось относительное затишье.

Для пресечения контактов черкесов с турками на Черноморском побережье с 1830 по 1842 год было основано 17 укреплений: Кабардинское, Новотроицкое, Михайловское, Святого Духа, Новороссийск, Тенгинское, Навагинское, Гостагаевское, Вуланское, форты Лазаревский, Раевский, Головинский, Вельяминовский, укрепленные станицы Благовещенская и Николаевская, Джеметей и Гагры.

Центральным пунктом должна была служить крепость Геленджик, основанная в 1831 году. Все эти пункты с первого до последнего дня своего существования (ликвидированы в 1854 году из-за угрозы нападения английского флота) постоянно, если не сказать ежедневно, подвергались нападениям черкесов. В 1834–1835 годах велось строительство Геленджикской линии — основаны укрепления Абинское, Николаевское, проложена дорога, соединившая Геленджик и Абхазию.

В 1837 году, после того как была проложена дорога в недоступные ранее горные районы, о своей покорности заявили жители Цебельды. На месте бывшей турецкой крепости Суджук-кале был основан город Новороссийск.

В 1839 году началось перенесение линии укрепленных станиц и постов с верхнего и среднего течения Кубани на реку Лабу.

7. В 1829 году война в Чечне и в Дагестане стала принимать характер религиозного конфликта в значительной мере из-за того, что знаменем борьбы с русскими стал ислам, а руководителями — религиозные авторитеты. Теократическое государственное образование — имамат Шамиля — на четверть века стал основным противником России на Северо-Восточном Кавказе.

В 1829 год началось восстание под руководством Кази-Муллы в Дагестане, которое по своему характеру и масштабам заметно отличалось от случавшихся ранее конфликтов. Это была не серия ожесточенных, но коротких вспышек, а упорное, организованное сопротивление, руководимое из одного центра. Правительственные войска потерпели несколько чувствительных неудач, но затем перехватили инициативу. Горцы стали уклоняться от крупных сражений и вели партизанскую войну, где все преимущества были на их стороне. В 1832 году Кази-мулла погиб при штурме аула Гимры.

В 1834 году движение возглавил Шамиль, имя которого стало неотделимо от истории Кавказской войны. В 1834–1837 гг. русское командование восстановило контроль над Аварским ханством и вынудило самого Шамиля, блокированного в ауле Тилитль, присягнуть на верность императору. Однако имам рассматривал эту присягу только как возможность передышки, и уже в 1839 году боевые действия в Дагестане разгорелись с новой силой. В 1840 году восстала вся Чечня. Войска, брошенные на подавление восстания, встретили упорное сопротивление, не прекратившееся даже после кровавого боя на реке Валерик. Экспедиции в горы не приносили желаемого результата, войска несли большие потери, несколько укреплений были взяты горцами, а сам главнокомандующий на Кавказе — генерал Ф.К. Клюгенау, запертый в ауле Хунзах, оказался на волосок от гибели. Инициатива была

полностью в руках Шамиля, который к декабрю 1843 года фактически захватил Дагестан. Неприятные известия поступали и с Западного Кавказа: черкесы настойчиво атаковали все крепости Черноморской береговой линии и взяли штурмом четыре из них. Поражения русских войск дестабилизировали положение в Закавказье, власти были крайне обеспокоены настроениями мусульманского населения.

Правительство и военная верхушка России явно были в растерянности. Свидетельства тому — хаотичные действия войск, полностью отдавших инициативу в руки Шамилю, и «чехарда» военачальников на Кавказе. В 1844 году несколько русских отрядов прошли по горам сотни верст, но не добились покорности восставших аулов. В 1845 году новый главнокомандующий князь М.С. Воронцов провел одну из наиболее неудачных операций — Даргинскую экспедицию, закончившуюся разгромом участвовавшего в ней отряда. Эта кровавая баня наконец убедила командование в неэффективности подобных операций.

Переход к новой (или старой — «ермоловской») стратегии — постепенному и методичному «*п о к о р е н и ю*» — начался в 1846 году, а экспедиции предпринимались только для того, чтобы упреждать нападения горцев. Медленное, но целенаправленное стратегическое наступление стало приносить зримые результаты: Шамиль терял один опорный пункт за другим. В дальнейшем инициатива на этом фронте полностью перешла к русским: укреплялась так называемая Передовая Чеченская линия (Воздвиженское, Ачхой, Куринское, Хасавюрт и Чир-Юрт), продолжалась активная рубка просек, что резко ослабляло сопротивление горцев. В 1852 году несколько русских отрядов прошли по этим просекам всю Чечню и в считанные недели добились изъявления покорности. Окончательно войска Шамиля в Чечне были разбиты зимой 1853 года на реке Мичик. Большое впечатление на чеченцев произвела экспедиция генерала Н.И. Евдокимова в Аргунское ущелье, ранее недоступное русскому оружию. 1 апреля 1859 года был взят аул Ведено. Организованное сопротивление чеченцев прекратилось. В августе этого года в ауле Гуниб попал в плен Шамиль. В течение нескольких последующих лет в труднодоступных высокогорных районах оставались малочисленные отряды «непримиримых», но они уже не представляли серьезной угрозы для позиции России в этом регионе.

8. На Западном Кавказе, несмотря на усиление там позиций исламского духовенства, не был образован единый фронт борьбы с русскими войсками. Более того, до начала 1860-х годов наблюдались довольно заметные междоусобные столкновения местных племен, а также борьба приверженцев прежних традиционных верований и мусульман. От координации действий с Шамилем Черкесия решительно отказалась.

Присоединение Абхазии началось в 1810 году, когда в Сухуми был размещен небольшой гарнизон, и закончилось в 1866 году — подавлением последних высокогорных очагов сопротивления. Это был сложный процесс, в котором переплетались несколько составляющих: русско-турецкое противостояние, стремление абхазов сохранить независимость, династические распри внутри абхазской правящей верхушки, феодальные междоусобицы, протест крестьян против повинностей, религиозные конфликты. За полвека русские власти несколько раз теряли контроль над Абхазией и вновь его восстанавливали. Наиболее серьезными были восстания 1810, 1824—1827, 1830, 1837, 1840, 1843, 1854, 1859—1864 гг.

На Западном Кавказе очередное обострение обстановки произошло на 1849 год, когда здесь появился проповедник газавата Магомет-Амин: он сумел поднять против России уже покорившихся было горцев, живущих к западу от реки Лабы. Начались волнения и среди кабардинцев. Ответом на набеги стали карательные экспедиции и устройство новых укреплений.

Покорение Чечни и Дагестана позволило усилить военное давление на племена Адыгеи, которое проводилось по уже опробованному и дававшему хорошие результаты методу. На землях непокорных горцев устраивались укрепления, способные не только постоять за себя, но и служить операционной базой для сильных отрядов, совершавших набеги в радиусе нескольких десятков километров. Горцам предлагалось переселяться на равнину, а на их землях устраивались казачьи станицы.

Через четыре года боев (1860—1863 гг.) черкесы пришли к выводу о бесперспективности сопротивления и начали массовое переселение в Турцию. В марте-апреле 1864 года о своей готовности покориться объявили племена, проживавшие в окрестностях Сочи, и русское правительство поспешило оповестить мир об окончательном покорении Кавказа, что не совсем соответствовало действительности. Еще несколько лет войска ловили в горах тех, кто отказался признать поражение. В 1866 году восстала Абхазия, а в 1877 году правительство утратило контроль над несколькими районами Чечни и Дагестана: начало Русско-турецкой войны породило надежду на возможность свержения власти «неверных». Командованию Кавказского корпуса пришлось вести полномасштабные боевые действия с применением артиллерии. Потери же были не менее, чем в самые жаркие годы «при Шамиле».

9. Присоединение Кавказа к России тесно связано с российско-турецким и российско-персидским соперничеством в этом регионе. Ход и результаты войн с этими державами во многом определяли военную и политическую обстановку.

Несмотря на то что турки построили крепости на черноморском побережье Кавказа еще в XVI веке, их реальная власть не распространялась далее крепостного вала. Когда один представитель русской власти попытался объяснить черкесам, что Турция по условиям мирного договора 1829 года уступила их земли России, один из местных жителей показал на птицу, сидевшую на дереве, и сказал: «Дарю ее тебе, генерал!» Во время боев русской армии с турками у крепости Анапа в 1788–1791 гг. многие отряды горцев занимали наблюдательную позицию и отказались ввязываться в сражение, видя, что чаша весов склоняется на сторону русских. Горцы охотно принимали подарки от турок и рассматривали их как дополнительный доход от набегов. На протяжении всей истории Кавказских войн Турция поддерживала противников России — во время конфликтов между державами явно, во время мира — тайно. Поддержка эта выражалась в финансировании, в поставках оружия, боеприпасов, в посылке эмиссаров, подстрекавших горцев к борьбе против неверных.

Во всех столкновениях на Кавказе с турками (1786–1791, 1806–1812, 1828–1829, 1877–1878 гг.) русские одерживали верх. Успехи на этом фронте создавали благоприятную обстановку для ведения дипломатических переговоров — возвращение, например, крепости Анапы в 1791 и 1812 годах позволило добиться уступок в других вопросах. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. только мощная поддержка англо-французских союзников дала возможность корпусу под командой Омер-паши вторгнуться в Западную Грузию, где он был в конце концов разгромлен.

Влияние Персии на кавказские дела было на порядок слабее. Претензии шахов на гегемонию в пространстве между Черным морем и Каспием не были подкреплены их военными и финансовыми возможностями. Персия не смогла преодолеть даже сопротивления жителей южного Дагестана в XVIII веке, а в XIX веке, опасаясь расширения границ России, уже не рассчитывала на реванш после своего сокрушительного поражения в войне 1826–1828 гг. Ханы восточного Кавказа не желали жесткого диктата Тегерана и потому даже иногда выступали на стороне России, предчувствуя неизбежность установления ее владычества в Закавказье. Разумеется, противники России на Кавказе в XVIII–XIX вв. всегда находили в Тегеране сочувствие и поддержку. Обе войны с Персией (1804–1813 гг. и 1826–1828 гг.) были выиграны Россией «за явным преимуществом».

ЛЕКЦИЯ 3. Цели и характер Кавказской войны.

1. В продвижении России на Кавказ экономические интересы играли незначительную роль. Захват земель не был целью завоеваний в этом регионе. Распространенные в России в начале XVIII столетия представления о несметных богатствах южных провинций, о больших запасах цветных металлов, тающихся в Кавказских горах, оказались неверными. Не оправдались и расчеты на Балтийско-Каспийский транзит.

В исторических источниках не обнаружено ни одного свидетельства осознанного, целенаправленного стремления Российского государства к захвату сельскохозяйственных угодий на Кавказе. При наличии огромных неосвоенных земель в Южной Сибири, Поволжье, Новороссии аннексия новой территории, населенной к тому же воинственными племенами, не могла быть оправдана с экономической точки зрения. Переселенческое движение на Кавказ было исключительно «организованным», т. е. осуществлялось в соответствии с видами правительства. Казачья колонизация на Тереке и на Кубани имела своей основой не экономические, а военные резоны: командование хотело выселением горцев и устройством станиц разрушить хозяйственный фундамент сопротивления, создать надежный заслон из военизированных поселений. Подтверждением тому служат данные исторической демографии — русское население увеличивалось только в районах Западного Кавказа, покинутых выселившимися в Турцию адыгами, а также на предгорных равнинах. В Закавказье, Дагестане, Чечне, Кабарде и Осетии русского землевладения не было. Даже через много лет после того, как на Кавказе установилось спокойствие, русские крестьяне предпочитали перебираться скорее в Сибирь, нежели на Кавказ.

Военное начальство периодически поднимало вопрос о русской колонизации Северного Кавказа, исходя из своих ведомственных интересов. Во-первых, таким образом решался очень болезненный вопрос о снабжении войск провиантом, фуражом, об обеспечении армии помещениями и транспортом на основе постоянной и подводной повинности. При всей своей хозяйственной автономности армия гораздо комфортнее чувствовала себя в родной культурной и экономической среде. Во-вторых, с появлением на Кавказе многочисленного русского населения решалась рекрутская проблема: комплектованием гарнизонов местными уроженцами надеялись покончить с огромной смертностью среди новобранцев, что традиционно объяснялось непривычным климатом. При этом едва ли не главной задачей являлось внедрение здесь русского (христианского) элемента как будущей

опоры власти. Кавказ рассматривался правительством как место ссылки сектантов, асоциальных и «неблагонадежных» элементов (бродяги, отставные нижние чины и т. д.). Это место называли «теплой Сибирью».

Петр Великий, начиная Персидский поход, рассчитывал на пополнение казны за счет податей с богатых провинций, надеялся получить источник импортируемого ранее сырья (шелк, натуральные красители, хлопок и т. д.). Однако надежды русского правительства не оправдались: доходов от завоеванных в 1722–1723 гг. областей не хватало даже на содержание войск, которые буквально таяли в условиях враждебного окружения и губельного для многих климата. О компенсации же громадных затрат на Персидский поход, на строительство Каспийской флотилии не было и речи. Ограниченность местных ресурсов, необходимость сохранения источников доходов местной феодальной и родовой элиты настолько сокращали поступления в казну, что ни о какой колониальной эксплуатации Кавказа говорить не приходится. Только на рубеже XIX–XX столетий доход от этого региона сравнялся с расходами на него, то есть завоеванные с таким трудом области перестали быть черной дырой российской экономики.

Российское правительство прежде всего интересовали возможности выращивания на Кавказе ряда технических и пищевых культур: хлопка, чая, табака, марены, винограда, риса, цитрусовых, а также производство шелка. И здесь правительство ждало жестокое разочарование: рост производства сельскохозяйственного сырья сдерживался политической нестабильностью, консервативным укладом коренного населения, ограниченностью земель, пригодных для выращивания технических культур. Таким образом, Кавказ не оправдал себя как поставщик «колониальных товаров»: выгоднее было доставлять их морем в Одессу или Петербург. Не имели существенного экономического значения и леса, несмотря на то что в них было много ценных пород (дуб, бук, тис, ясень). Доставка древесины к местам потребления осложнялась отсутствием сплавных рек.

Россия, производя в избытке железо, испытывала нехватку цветных и драгоценных металлов, а также качественной соли. Те, кто искал союза с Россией, с разной степенью успеха пытались разыграть эту карту, рассказывая о залежах серебряных, свинцовых и медных руд. Однако представления о щедрости кавказских недр развеялись почти так же быстро, как ранее о богатстве «теплых стран». Соответствующими действительности оказались только сведения о запасах нефти, но до 1880-х годов экономическое значение этого важнейшего ныне стратегического сырья было ничтожным, никто и не подумал бы воевать ради захвата нефтяного бассейна.

Даже на рубеже XIX–XX вв. весь Кавказ занимал довольно скромное место в экономической географии Российской империи. Хотя

показатели добычи некоторых видов полезных ископаемых к тому времени выглядели солидно (100 % общегосударственного производства нефти, 75 % — марганца, 39 % — меди, 30 % — серы, 16 % — свинца, 8 % — серебра), считать богатства недр причиной покорения Северного Кавказа не представляется обоснованным.

Петр Великий предпринимал огромные усилия для того, чтобы переориентировать хотя бы часть товарного потока, идущего по линии Европа-Азия, на Волжско-Каспийский маршрут. Строительство водных путей, соединявших бассейн Волги с Невой, должно было превратить балтийские гавани в ворота для товаров, следующих из Северной Европы в Персию и Индию, а доходы от транзитной торговли — озолотить империю, развить коммерцию и промышленность. Идея была утопичной, так как при самых благоприятных обстоятельствах груз, отправленный из Дербента вверх по Волге, не мог добраться до Петербурга за одну навигацию. Более того, Вышневолоцкая водная система, соединившая в 1708 г. Балтику и Каспий, оказалась улицей с односторонним движением: из-за сложных навигационных условий на реке Мсте, составлявшей часть системы, осуществить проводку судов от Невы к Волге было решительно невозможно. В 1711 году провели трассировку Тихвинского и Мариинского каналов, но к работам на них приступили только в 1799 году, так как при Петре I и его ближайших преемниках казна оказалась не в силах обеспечить столь масштабное гидротехническое строительство. Кроме того, к этому времени эйфория по поводу азиатского транзита как чудодейственного экономического снадобья уже улетучилась, и правительство довольно трезво оценивало перспективы создания трассы Баку — Петербург. Прорубание «окна в Азию» не стало лозунгом завоевания Кавказа.

2. Россия пришла на Кавказ, следуя неумолимой логике стратегического соперничества с Турцией, основанного на геополитических реалиях XVI–XIX вв.

Стамбул видел Черное море «турецким озером», считал свое господство на Балканах и Западном Закавказье неоспоримым и незыблемым, а в сферу своих интересов включал весь Кавказ и все Северное Причерноморье (до Днепра). Кроме того, султан объявлял себя покровителем мусульман. Историческое развитие России в указанный период вело обе империи к конфликтам по всем этим пунктам.

Кавказ в XVIII веке стал линией прямого российско-турецкого противостояния. Степные пространства между Доном и Волгой были левым флангом турецкого фронта, и отсутствие здесь других естественных рубежей неминуемо должно было вывести русские войска на Кубань и Терек. В годы войн с Турцией и Персией «кавказско-горская

война» непосредственно смыкалась с боевыми действиями с этими державами, так как необходимость борьбы с горцами оказывала сильное влияние на оперативные планы командования. По стратегическим замыслам русского командования действия на Кавказе должны были отвлекать турецкие войска с Дуная и улучшать позиции дипломатов на последующих мирных переговорах. Претензии Петербурга на покровительство христианам, состоявшееся включение Грузии в состав России создавали реальную угрозу существованию Османской империи, поскольку события на Кавказе являлись частью так называемого «восточного вопроса» (суть его — судьба европейских владений Турции).

Россия начала движение на Кавказ в период, когда Турция еще была в состоянии на равных бороться с христианскими державами, что ясно продемонстрировали ее войны с Россией, Австрией и Венецией (1711, 1714–1718, 1735–1739), а закончила покорение горных районов, когда само существование Османской империи в значительной степени зависело от позиции Европы. Соответствующим образом менялось как значение турецкого фактора, так и его содержание. До 1791 года у Стамбула — самостоятельная партия, затем — все более слабеющий голос в антироссийском хоре. Дефицит политических, военных и экономических ресурсов не позволили Турции выиграть поединок с северным соседом, а близорукая политика султанов и глубокое недоверие к политике европейских стран на Кавказе исключили возможность создания прочного единого фронта против росийского продвижения в этом регионе.

3. В конце XVIII века Кавказ стал перекрестком международных противоречий, частью так называемого «восточного вопроса».

Лондон назвал приобретения России на Кавказе нарушением «европейского равновесия», угрозой для британских владений в Индии и для британской торговли с востоком. Главная же причина состояла в том, что для Британии основным противником всегда становилась самая сильная держава на континенте: сначала это была Испания, затем Франция, а после победы над Наполеоном — Россия. В 1850-е гг. Британское посольство в Константинополе превратилось в своеобразный антироссийский центр, которым руководили Д. Уркарт и Д. Понсоби, фанатично преданные идее изгнания России за Кубань и Терек. Пользуясь покровительством турецких властей, они и их сторонники посылали в Черкесию своих эмиссаров, снабжали горцев оружием и припасами. В 1836 году разгорелся международный скандал вокруг ареста английской шхуны «Виксент», перевозившей военную контрабанду. Во многом благодаря именно этому

инциденту события на Кавказе (война с горцами) стали предметом внимания европейской общественности. Во время Крымской войны английское командование намеревалось объединить силы горцев и с помощью экспедиционного корпуса ликвидировать гегемонию России на Кавказе. После провала этих планов Англия попыталась сделать из Кавказа «вечную болячку» России — затянуть по возможности войну с горцами, что давало возможность оказывать давление на Петербург, а также «истощать» российскую казну военными расходами.

В Англии находили моральную и финансовую поддержку польские революционеры, решившие превратить Адыгею в антироссийский фронт, причем диапазон планов колебался от формирования диверсионных отрядов из поляков-дезертиров до организации «всеобщего» восстания украинцев, а также кубанских и донских казаков с последующим походом на Москву. Летом 1861 года старейшины нескольких адыгейских племен учредили «меджлис» — центральное правительство Черкесии, а затем разделили подконтрольную территорию на 12 округов, т. е. создали государство по турецкому образцу, о чем и уведомили Петербург и Лондон. К этому уже в течение трех десятилетий их подталкивали британские доброжелатели: Лондон рассматривал возможность применения на Кавказе «латиноамериканского» сценария, по которому англичане отзывались на призыв о помощи, исходящий от «независимого и борющегося за свою свободу государства», как это было с бывшими испанскими колониями. Однако после Парижского мира в Лондоне смирились с необратимостью процессов, проходивших на Кавказе, и не установили отношений с «независимой Черкесией». Окончание весной 1864 года организованного сопротивления горских племен положило конец европейскому вмешательству в дела этого региона.

Вмешательство Франции в кавказские дела было намного слабее английского. Ее демарши по поводу русской активности на Кавказе в XVIII столетии были не более чем частью общей протурецкой линии, характерной для внешней политики Парижа. Франция вела здесь свою игру, лавировала между Россией и Англией, стараясь не допустить абсолютного перевеса ни одной из сторон.

Огромное значение кавказской проблемы для российской дипломатии поясняет письмо министра иностранных дел А.М. Горчакова главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом А.И. Барятинскому от 26 июля 1859 года: «...Если бы вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами».

4. Особую роль в событиях играл военно-стратегический фактор.

Азербайджанские ханства являлись иранским и турецким плацдармом для вторжения в Восточную Грузию и, с точки зрения российских военных властей, определявших всю политику в данном регионе, следовало отодвинуть границу до Аракса и Талышских гор. Контроль над кратчайшей и долгое время единственной дорогой из Грузии в Россию через Дарьяльское ущелье предполагал и установление полного контроля над прилегающей к ней территорией Кабарды, Осетии и Ингушетии. Снабжение войск в Закавказье требовало выхода к Черноморскому побережью и, соответственно, ликвидации независимости Имеретии, Гурии и Мингрелии. После этого наступила очередь Абхазии как возможного турецкого плацдарма у западных границ новых владений. Задачей же фортов на Черноморском побережье было пресечение военной контрабанды и демонстрация действительного контроля России над этой территорией. Таким образом, во многих случаях срабатывал «принцип домино»: закрепление на новых позициях со временем требовало следующего шага.

В этот период географическая карта уже прочно вошла в обиход, представления о различных объектах (города, страны, моря, реки и т. д.) в сознании образованных людей, а главное — тех, кто принимал важные «государственные» решения, определялись соответствующими масштабными изображениями на картах. «Непокорный» Северный Кавказ отделял присоединенное к России Закавказье сплошной полосой от Черного до Каспийского моря, причем полоса эта означала не только «зону непокорности», но еще и зону влияния стратегических противников — Турции и Персии.

5. Период войны на Северном Кавказе совпал по времени с распространением в России представлений о необходимости противодействия мусульманскому экстремизму, — ислам переходил из разряда религии враждебной страны (Турция, Крым, Персия) в разряд недружественной идеологии, с которой нужно бороться.

В правительственных кругах сформировалась прочная традиция трактовать религиозную историю Кавказа следующим образом: в Закавказье первоначально существовали мощные христианские государства, павшие под ударами язычников и мусульман. Ряд народов Северного Кавказа в той или иной форме также исповедывали христианство, но затем были насильственно переведены в иную веру. При этом изгнание священников и отпадение от христианства рассматривались как деградация. Возвращение же креста на земли, которые он ранее осенял, было хотя и не столь очевидным и значимым, но все же лозунгом российского движения на Кавказ.

Победы в русско-турецких войнах второй половины XVIII столетия, мечты Екатерины II, Павла I и Александра I о радикальных изменениях политической карты в Восточном Средиземноморье заострили вопрос о возрождении на Кавказе христианских держав — Грузии и Армении. Очередь Кавказа наступила тогда, когда укоренившееся представление о себе как о великой державе оказалось прочно связанным с идеей цивилизаторской миссии России на Востоке и с обязательствами защиты христианства (православия).

6. Сам тип кавказской культуры был сильным раздражителем для лиц с «государственно-рациональным» типом мышления.

В текстах, вышедших из-под пера людей, задумывавшихся о величии и славе России, не исключая тех, кто размышлял о коренных преобразованиях ее государственного строя, все, что касается кавказской культуры, получало негативную оценку. «Кавказские народы... разные веры исповедуют, на разных языках говорят, много-различные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются. Беспрестанные междоусобия еще более ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усиленного на русских нападения...» — писал в «Русской Правде» один из идейных лидеров декабристов П.И. Пестель.

Превосходство европейских ценностей было аксиоматичным, и это превосходство давало право «белому человеку» практически на любые действия вне Старого Света. Западный комплекс знаний в области естественных и гуманитарных наук был символом разума, а все не соответствующее этому комплексу — считалось невежеством и суеверием. В XIX столетии эти идеи были и мощным двигателем европейской экспансии.

7. Очень важной составляющей войны на Кавказе стала внутренняя логика конфликта, в соответствии с которой взаимная враждебность нарастала подобно снежному кому.

Россия оказалась втянутой в перманентную междоусобную войну племен и кланов, в которой невольно, ведая того или не ведая, становилась союзником одной из конфликтующих сторон и, следовательно, врагом другой. Часто бывало так, что защищаемые русскими войсками «мирные» оказывались жертвой нападения «немирных», но сами же его и провоцировали, чувствуя за своей спиной поддержку

русских, и становились бичом для своих соседей. Так, безопасность «замиренных» пограничных аулов обеспечивалась только покорением их агрессивных соседей, которые, в свою очередь, после принятия российского подданства также имели все основания требовать защиты. Если с экономической точки зрения Северный Кавказ вовсе не был богатой добычей, то по военно-стратегическим соображениям покорение горцев было весьма важным делом: прекращались набеги, оказывавшие разрушительное воздействие на экономику и административное устройство этого края. Нападения на соседей были неотъемлемой частью быта всех горских племен, военная добыча — важным экономическим фактором, доблесть, проявленная в таких походах — мерилом социального статуса мужчины.

8. Кавказская война может называться цивилизационной. Здесь имело место столкновение двух культур, все более принимавшее характер предельно обострившегося антагонизма.

Мотивация действий одной стороны в подавляющем большинстве случаев была неизвестна, а главное — непонятна или неприемлива для другой. Конфликт разгорался из-за того, что оба его участника неадекватно оценивали поведение противника, причем в основе этой неадекватности лежало жесткое следование собственным представлениям о «правилах игры». Кавказскую войну вполне можно назвать войной взаимного непонимания. Она стала неизбежной после того, как в соприкосновение вошли две военные структуры, имеющие совершенно различные знаковые системы: русская армия как европеизированная машина устрашения и разрушения XVIII–XIX столетия, с одной стороны, и горцы — с другой, как военная организация, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма, — эпохе, забытой пришельцами и совершенно им непонятной. Знаковые системы горцев и русской армии различались очень сильно, и это стало причиной множества недоразумений с трагическим исходом, а сама война приняла затяжной и ожесточенный характер.

С точки зрения горцев, Россия вела себя абсурдно — представители правительства требовали признания их власти, не претендуя при этом на земли, скот, обещая сохранять и уважать местные обычаи и верования. Это вызывало обоснованные подозрения в обмане, тем более что русские начальники разных рангов периодически допускали дикие с точки зрения горцев выходки — например, пытались отобрать оружие. Жители Кавказа не знали опыта Австро-Венгерской многонациональной империи. Им была более знакома практика восточных владык, имевших полное право на жизнь и имущество своих подданных и пользовавшихся этим правом по своей прихоти. Русское командование переносило в чужеродную культурную среду

свои представления о мироустройстве, что нередко влекло за собой трагические последствия.

Нежелание и неспособность российских военачальников понять образ мышления горцев, их обычаи и жизненный уклад туго затягивали узел конфликта. Одним из частых поводов для проведения карательных операций было, например, «предоставление пристанища» участникам набегов на русские села и укрепления. По обычаям же горцев отказ в крове скитальцу, путнику и, тем более, соплеменнику не только покрывал позором хозяина, но и становился тем же «казус белли». Русские власти упорно требовали от «замиренных» горцев заведомо невыполнимого и затем жестоко карали за это. Со стороны командования отчетливо проявлялось нежелание или неспособность понять положение так называемых «мирных» горцев, которые занимали буферную зону между русскими станицами и непокорными аулами. Они должны были покупать свое спокойствие сотрудничеством, вернее искупать свою вину за сотрудничество с русскими, которые, заставив их покориться, оказывались не в состоянии защитить их от нападений.

На Северном Кавказе, не знавшем настоящей государственной организации, Россия не имела никаких шансов окончить войну неким конкретным соглашением, «мирным договором», поскольку ответственной власти со стороны горцев просто не было. Разгром одного из аулов или племенных ополчений мало что менял в общей военной обстановке: «столиц» как таковых не существовало, равно как и стратегических пунктов, захват которых признавался бы обеими сторонами как важное событие. Покрыть же всю территорию Адыгеи, Чечни и Дагестана густой сетью опорных пунктов было невозможно, да и бессмысленно, так как они могли контролировать территорию только на расстоянии ружейного или пушечного выстрела.

В связи с этим можно предположить, что складывание имамата Шамиля позволило русскому командованию найти ранее не существовавшую точку приложения силы. Структуры, созданные Шамилем на подконтрольной ему территории, привели, по существу, к созданию исламского государства, подняли боеспособность горских ополчений на более высокий уровень, скоординировали выступления горцев на различных «фронтах» и сделали задачи, стоявшие перед Кавказским корпусом, более сложными, но одновременно — решаемыми, что ранее было совсем не очевидно.

В большинстве районов Кавказа война воспринималась не как тотальная эпидемия разрушения и убийства, а как часть повседневности. При этом механизмы возникновения конфликтов уравнивались механизмами перевода их в латентное состояние и даже полного прекращения. Европейская военная машина (русская армия) таковыми средствами не обладала. Кровная месть почти всегда являлась причиной враждебных действий: при родовой организации

общества каждая операция правительственных войск порождала тех, для кого отмщение за погибшего родственника становилось смыслом жизни. Если в местных междоусобицах выявление виновного было делом возможным и, более того, обязательным, так как ошибка вела к возникновению вражды с другим, незаслуженно наказанным родом, то в случае с русскими горцы не имели возможности «персонафицировать» месть. В результате целью ответного удара становились все, кто принадлежал к вражеской армии, которая носила на себе все признаки особого «племени» — одежда, язык, оружие, образ жизни, утварь и т. д. При проведении розыска партизан войска не особенно изошрялись в следственных действиях и, не имея реальной возможности найти и наказать нападавших, нагоняли страху на всех, порождая обоснованные обвинения в жестокости.

9. Затяжной характер войны на Кавказе во многом объяснялся малой приспособленностью европейской военной машины, которой являлась российская армия, к природно-климатическим условиям этого края.

Так называемые санитарные потери в русской армии значительно превышали боевые. В среднем на одного убитого приходилось десять умерших. В 1814 году в 17-м егерском полку за 11 месяцев умерло 345 человек (17 % состава). Особенностью лихорадки, которая косила русские войска в Закавказье, было то, что она сильно ослабляла организм и даже после «формального» выздоровления человек долго был не способен совершать тяжелые марши, вести строительные работы и т. д. Сам рельеф местности, отсутствие во многих случаях открытых пространств делало абсолютно невозможным применение европейских тактических построений. Кавказские природные условия вступали в противоречие с основным принципом европейской военной организации того времени — воспитания и обучения солдата не как самостоятельной боевой единицы, а как части слаженно действующего механизма. Труднопроходимые леса и горные ущелья давали большие преимущества горцам, использовавшим партизанскую тактику засад и внезапных нападений. Штыковой удар — главный козырь русской пехоты — в этих условиях значительно обесценивался. Наличие многочисленных «мертвых зон», отсутствие дорог для колесного транспорта затрудняли использование артиллерии.

Враждебность населения и даже его уклонение от сотрудничества существенным образом и многократно усиливали воздействие неблагоприятных природных условий.

Русская армия не сразу, но все же нашла действенный ответ на тактику чеченских и адыгейских партизан: она стала планомерно вырубать леса. Войска и мобилизованные местные жители под

прикрытием стрелковой цепи прокладывали просеку шириной около 400 метров, что позволяло частям, двигавшимся по ее середине, находиться вне досягаемости выстрелов горцев, укрывавшихся за деревьями. Местный официоз, газета «Кавказ», писала о рубке леса как о боевых действиях.

10. Горцы применяли в основном тактику партизанских действий. В открытых столкновениях они практически всегда терпели поражение и несли большие потери. Взятие каждого горного аула было тяжелым испытанием для русской армии.

Преобладанием партизанской тактики объясняется то, что русская армия несла наибольшие потери в ходе так называемых «разновременных стычек», как именовались бои небольших групп в официальных документах того времени. Поскольку подавляющее большинство столкновений такого рода происходило по инициативе горцев, они имели все преимущества нападающей стороны и нередко добивались успеха в первые же минуты, заставляя своих противников врасплох. Кроме того, эти стычки происходили в основном между мелкими группами, когда превосходство горцев в единоборстве проявлялось особенно отчетливо. В таких боях солдаты не могли рассчитывать на плечо товарища, на эффективность сплоченных действий дисциплинированной регулярной пехоты.

Следует принимать во внимание и ожесточенность боев во время штурмов аулов и карательных экспедиций, когда пленных просто не брала ни та, ни другая сторона. Многие же стычки как раз имели своей целью захват пленных с целью последующей продажи или обмена.

«Типичный» бой выглядел следующим образом: отряд, состоявший из нескольких пехотных рот, двух-трех сотен казаков и местной милиции, при поддержке двух-четырех орудий, получал задание «наказать» горцев. По мере приближения к цели сопротивление возрастало — после нескольких обстрелов колонна натывалась на ряд последовательно устроенных завалов, каждый из которых приходилось брать штурмом. В перестрелках перевес был на стороне горцев, так как их винтовки били дальше и точнее гладкоствольных ружей русской пехоты. Недостатком нарезного оружия того времени была долгая процедура заряжания, вследствие чего нередко практиковался следующий прием: один взвод бросался на завал и получал залп всех засевших в нем противников. Следующая волна атакующих легко выбивала из укрепления врага, не успевшего перезарядить винтовки. Большую роль в штурме завалов играла артиллерия. Отряд прорывался к аулу, разорял его. К этому времени жители, как правило, успевали укрыться в лесу и спасти часть своего имущества. Самой

тяжелой частью операции было возвращение: горцы яростно наседали на арьергард, время от времени бросаясь в рукопашный бой.

11. Отсутствие политических и экономических центров, потеря которых делала сопротивление трудным и даже бессмысленным, малая уязвимость натурального и полунатурального сельского хозяйства, возможность за счет «изъявления покорности» получать передышки, необходимые для восстановления сил — все это вело к затягиванию войны.

Любая европейская нация, несомненно, капитулировала бы при таком неравенстве сил. Кавказские народы не могли осознать в полной мере мощи своего противника и потому не боялись его. Для джигитов затерянного в горах аула одна из величайших военных машин в мире выглядела только небольшой группой людей в шинелях, которые не сильны в единоборстве и берут верх только за счет своей сплоченности и упорства. Здесь очень важным является рассказ одного пленного горца, который после побега из ссылки призывал земляков воевать до конца, так как, по его мнению, у русского царя уже «кончались солдаты» — на всем пути от Архангельска до Ставрополя он не видел вооруженных людей — одних мужиков с сохами.

Крупные сражения на равнине, штурм аулов, где верх брало русское оружие, с точки зрения горцев, было «неправильной» войной, которую им навязывали «гяуры». В «правильной» же войне, с ее засадами, лихими набегами и внезапными обстрелами, местные жители были на высоте, и это было важным ободряющим моментом.

ЛЕКЦИЯ 4. Казаки и милиция в Кавказской войне.

1. В присоединении Кавказа большую роль сыграли терские и кубанские казаки, которые сами, как военная организация и как субэтноты, были порождены военной культурой фронта — зоны постоянной военной тревоги.

Первые вольные казаки появились на Тереке в XVI веке, их ряды постоянно пополнялись беглыми крестьянами, среди которых было много раскольников, местными жителями, по разным причинам искавшими убежища в казачьих станицах. В XVIII—первой половине XIX вв. в состав войска включили несколько тысяч казаков-переселенцев с Дона. В 1721 году терцы стали подчиняться Военной коллегии и до 1860 года назывались Линейным казачьим войском (линейцами). В терском казачестве — уникальном субэтнотсе — слились и переплавились следующие элементы: 1) вольное казачество с многовековым опытом выживания в экстремальных условиях фронта; 2) русское старообрядчество с его мощной корпоративной культурой и столь же мощной резистентностью; 3) горцы; 4) русское крестьянство; 5) казаки других войск, переселенные на Кавказ согласно видам начальства. Большая часть туземного элемента вливалась в состав терского казачества небольшими «порциями» и на правах «примышей»; это были беглые всех видов — от мятежных князей, ушедших вместе со своими дружинами, до рабов, не знавших своей родины. Немалое число среди этих беглецов составляли лица с асоциальным поведением, изгнанные из своих аулов. Столь же пестрым был и «русский» поток. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что все составившие терское казачество компоненты не имели внутреннего культурного и этнического единства.

Каждый полк являлся и территориальной, и административной, и военной единицей. Это обеспечивало высокий боевой дух казачьих частей, оптимизировало решения проблем управления, судопроизводства, хозяйства и т. д. Почти все служивые были старoverы. Они и составляли, по общему мнению, лучшие, самые надежные и храбрые полки. С этой особенностью терского войска связана даже особая форма наказания провинившихся казаков: их посылали на год служить в Кубанское войско — к «поганым никонианцам», «скобленным рылам».

2. Казачья военная организация имела ряд важных отличий от «общероссийской»: высокий уровень корпоративной культуры, прочность воинских традиций, навыки самоуправления, хорошие адаптационные возможности. Именно эти отличия

позволили использовать казаков не только для подавления сопротивления горцев, но и для военной колонизации стратегически важных районов.

Освобождение от рекрутчины и подушной подати, имущественные гарантии, более высокий, чем у крестьян или мещан, социальный статус — делали казачью долю привлекательной в глазах населения. Казачьи области располагались на окраинах империи, и это, в сочетании с их обособленностью от остального населения, способствовало тому, что знаменитая казачья «волюшка» не переходила на податные сословия. Терское и кубанское войска вели свою родословную от свободных общин, имевших черты военно-монашеских орденов. Это были сообщества лиц с ярко выраженными неконформистскими наклонностями, по разным причинам выпавших из породившей их социальной среды. Военный элемент в казачьей культуре создавал благоприятные условия для абсорбции туземцев, также выросших в насквозь милитаризованной среде.

Организация казачьей службы предполагала самообеспечение, т. е. ведение хозяйства, но именно эта хозяйственная деятельность заставляла казаков в буквальном смысле слова принимать местные правила войны. Кубанские и терские казаки оказались втянутыми в набеговую систему войны потому, что только так могли умерить пыл своих беспокойных соседей и компенсировать свои потери от нападений «хищников». На практике это выглядело следующим образом: черкесы разом лишали казака его «добра» — сжигали посевы, сено, угоняли стадо, для восстановления которого требовались годы. Чтобы спасти семью от голодной смерти казак шел через Кубань и угонял (часто вовсе не от обидчика) скот, а продав добро, захваченное в разоренном ауле, покупал зерно и готовился к новому набегу.

3. Различные пути формирования Кубанского и Терского войск стали главной причиной различий в их быте, менталитете и в военной культуре.

Терские казаки очень многое переняли у своих соседей-горцев — от многих элементов устройства жилища до боевых приемов и оружия. Они не создавали плотной и эффективной завесы по занимаемой ими линии, зато почти всегда настигали врага, возвращавшегося из набега, и «наказывали» его. То, что терцы восприняли «горскую» тактику в боевых действиях, было отражением их модели фронтирного поведения: модель «перехвата» отрядов горцев была менее трудоемка, чем система кордонных засад, практиковавшаяся на Кубани.

Высокие боевые качества терских казаков неоднократно отмечали современники, находившиеся по обе стороны фронта. Терские казаки оказались наиболее приспособленными для условий Кавказской войны. Они родились внутри нее, сложились из воинственных элементов. Сплав горской, русской казачьей и русской старообрядческой культуры оказался великолепным материалом для воинов высшего класса.

Военно-стратегическая обстановка на Северном Кавказе в конце XVIII века требовала формирования оборонительной линии по реке Кубани, и в поисках людей для военной колонизации этого края правительство обратило свой взор на запорожцев, которые и стали ядром будущего Кубанского казачьего войска (до 1860 года называлось Черноморским казачьим войском). В 1788 году началось переселение украинских казаков на Кубань. Черноморцы перешли на Северный Кавказ со своей администрацией, полковым делением, своим духовенством и архивом, своими воинскими традициями, однако ни о какой «новой» Запорожской сечи не могло быть и речи. Проводилась целенаправленная колонизация приграничной полосы. В 1799 году законодательно закрепились практика пополнения войска бродягами украинского и польского происхождения.

Таким образом, при формировании Кубанского войска явно преобладал украинский этнический элемент, причем среди украинцев, переселявшихся на Кавказ, большинство составляли носители национальных воинских традиций. Неукраинские элементы среди кубанских казаков составляли незначительное меньшинство.

Кубанское войско придерживалось кордонной системы, при которой успешное отражение набега было возможно только в том случае, когда атакованный пост быстро получал помощь, что при высокой подвижности черкесов и отсутствии надежной связи случалось не очень часто.

Черноморцы принесли с собой на Кавказ легендарную стойкость запорожской пехоты, способной за чисто символическими укреплениями выдержать натиск во много раз превосходящего по силе противника. Созданная в начале XIX века на Кубани система охраны границы (секретные и открытые пикеты, разъезды, конные группы поддержки, укрепленные посты) давала сбои до тех пор, пока под ружье не встало поколение, выросшее уже на Кавказе. Постепенно кубанские казаки все более и более приспособлялись к новым условиям, что признавали даже их противники.

Черноморские казаки, в отличие от казаков терских, прибывали на Кавказ довольно многочисленными сообществами, сохранявшими в какой-то мере обычную половозрастную структуру, что способствовало сохранению традиционного украинского казачьего уклада, включая военную культуру. Кубанцы избегали браков с женщинами-горянками, которые в терском войске играли важную роль в восприятии

элементов горской культуры. Православные черноморцы привезли с собой на берега Кубани стойкую неприязнь к «гололобым», причем неприязнь совершенно иного рода, нежели та, которую питали терцы-староверы к чеченцам или кумыкам. Вражда к горцам у казаков на Тереке не выходила за рамки обычной межплеменной вражды, освященной преданиями, вражды, без которой мир казака становился ущербным. Для кубанца адыг был существом из другого мира, и вхождение в этот мир с помощью «превращения в адыга» (одежда, вооружение, боевые приемы, утварь и т. д.) было для казаков правого фланга равноценно поражению, покорению и т. п. Условия войны требовали изменений в вооружении, организации службы, в приемах боя и т. д., что вызывало сопротивление со стороны казачьей массы.

Ответом украинских казаков на вызов черкесов стали Кубанские пластуны — пешие казаки, имевшие особые навыки боевых действий в горах, густых лесах и труднопроходимых болотах, которым «славился» этот край. Эта пехота выполняла роль современных отрядов «специального назначения» — тайные пикеты, рейды на территорию противника, охота на черкесов, пытавшихся проникнуть в российский тыл. По своему внешнему виду, вооружению и боевым приемам пластуны практически не отличались от местных жителей. Горцы предпочитали столкновение с батальоном регулярной пехоты, чем с сотней пластунов. Эти отряды имели многие черты военно-монашеских организаций — стать их членом можно было только с согласия всего «товарищества». Все дисциплинарные вопросы решались не по войсковому уставу, а по приговору самих казаков. Заметны были тенденции к формированию «династий», а также складывание особой ритуальной системы. В отличие от остальных казаков и вообще православных, особо чтимым святым был Евстафий, бывший в земной жизни искусным охотником и стрелком. Наличие у многих пластунов личных счетов с черкесами являлось важным показателем того, что эта часть кубанского казачества восприняла местную военную культуру. Среди пластунов было немало тех, кто говорил на местных диалектах или, по крайней мере, понимал смысл переключки противника. Подобно черкесам пластуны пользовались своей особой системой сигналов и знаков, имели в аулах своих лазутчиков.

Хотя отряды пластунов появились уже в начале XIX столетия, официальное признание они получили лишь в 1842 году. Эти отряды можно рассматривать как своеобразный компромисс: часть войска приравнивалась к характеру «малой войны», предоставляя остальному мужскому населению возможность сохранить свой национальный облик. Характерно, что в пластуны шли разного рода маргиналы, люди с асоциальным поведением, получившие тяжелые психологические травмы в ходе войны. Таким образом, по нашему мнению, появление

в Кубанском войске пластунов стало ответом на вызов реалий Кавказской войны, сложным проявлением защитных культурных и социальных механизмов.

4. «Приватизация» войны, характерная для кубанского и терского казачества, позволила этим военным сообществам найти достойный ответ на вызовы горцев. Донские полки, командированные на Кавказ, сохраняли прежнее, традиционное отношение к боевым действиям — «исполнение присяги». Этим во многом объясняется то, что казаки этого войска, прославившие себя в кампаниях против шведов, французов, татар и турок, весьма скромно выглядели в стычках с горцами.

Донские казаки защищали интересы России на Северном Кавказе с XVII века. До образования Кавказской линии в 1780-е гг. они составляли весомую часть царских войск в этом регионе. В 1836—1864 гг. в боевых командировках здесь побывало 118 полков общей численностью более 100 тысяч человек. Донцы предпочитали действовать в конном строю, что в горной местности удавалось далеко не всегда. Малопригодным оружием оказалась привычная пика. На боеспособности донских сотен негативно сказывалась их ротация (полки на Кавказе заменялись каждые четыре года в полном составе). Новички до приобретения навыков боевых действий в специфических условиях Дагестана или Адыгеи действовали неэффективно, несли большие потери, а ветераны по возможности избегали риска, рассчитывая вернуться живыми к своим семьям. Для казаков, пришедших с Дона, Кавказ был совершенно чужим, непонятным миром.

Можно говорить об историческом курьезе: донцы, ставшие после эпопеи 1812 года едва ли не символом партизанской войны, на Кавказе сами стали жертвой такой войны. Как это ни парадоксально, в этом случае проявились негативные последствия стремления воинского начальства «подтянуть» казаков к уровню регулярной кавалерии. Любопытно, что «кавказские» конные полки (Тверской и Нижегородский драгунские) потому и покрыли себя воинской славой, что после нескольких кровавых уроков забыли про уставы и стали воевать так, как того требовала обстановка.

5. На всем протяжении процесса присоединения Кавказа к России в боевых операциях совместно с правительственными войсками участвовали формирования, составленные из местных жителей. Обычно национальные формирования на Кавказе называли милицией, что верно не во всех случаях: часто это были обычные ополчения, не имевшие никаких постоянных структур в мирное

время. В районах с феодальным укладом милиция сохраняла черты дворянских дружин. Численность иррегулярных частей многократно возрастала во время войны и снижалась до минимума в мирное время.

Привлечение кавказских жителей к службе Московскому царю началось в XVI веке. Со времени Персидского похода Петра Великого и до окончания покорения Кавказа на стороне правительства действовали национальные формирования, составленные из всех народов Северного Кавказа и Закавказья, причем в некоторые годы их численность превышала двадцать тысяч человек. Наиболее многочисленными были грузинские, осетинские и дагестанские дружины. Все эти части были сформированы исключительно на добровольной основе, воины снаряжались в поход за свой счет или на средства сочувствующих им жителей. В районе боевых действий ополченцы получали довольствие по нормам казачьих войск и компенсацию за потерю лошадей. Главным материальным стимулом оставались боевые трофеи. Семьи погибших и увеченных получали денежное вспомоществование. Внутри части делились по национальному и родоплеменному признаку. При этом нередко в совместных экспедициях участвовали бывшие или будущие враги, поскольку реалии Кавказской войны то приводили горцев на русскую сторону, то толкали их в лагерь противника.

На Западном Кавказе отряды местной милиции были очень невелики и только эпизодически привлекались к боевым операциям. Иногда собирали группу в 50—100 всадников, которые служили в основном проводниками, и распускали эту группу сразу после окончания похода. Некоторые милиционные части существовали несколько месяцев, другие — несколько лет; были и такие, которые после неоднократных преобразований вливались в состав регулярной армии. Главными стимулами становиться под русские знамена для кавказских жителей была потребность защиты своих жилищ, надежда на военную добычу и желание молодежи отличиться в бою.

6. Готовность участвовать в военных формированиях на добровольной основе не означала готовности населения региона к введению воинской повинности в нетрадиционной для Кавказа форме.

В XIX веке неоднократно вспыхивали серьезные волнения, когда неуклюжие действия российских властей давали повод подозревать их в попытке исподволь распространить рекрутчину на Грузию и Армению.

Оценить общую численность милиции весьма сложно. В конце 1840-х годов в «замиренных» районах Дагестана было сформировано 13–14 пеших и 15–17 конных сотен, состав которых колебался от нескольких человек до 20–30 десятков. На 1 января 1869 года в составе русской армии числилось 7 иррегулярных кавказских формирований (118 офицеров и 4288 нижних чинов). При ничтожном значении для армии империи в целом, эти части были важной опорой российской власти на Кавказе. Опасения того, что при столкновениях с исламскими державами азербайджанцы и горцы-мусульмане перейдут на сторону врага, не оправдались.

При организации местных милиций и, вообще, при использовании национальных формирований власти оказывались в неоднозначном положении: с одной стороны, Отдельный Кавказский корпус получал существенную поддержку в виде многочисленной боеспособной конницы, с другой — вооруженное и организованное население, имеющее авторитетных военачальников из своей среды, представляло угрозу для российского владычества.

Общественные системы, существовавшие на Кавказе в XVIII–XIX вв., способствовали складыванию военных организаций, хорошо приспособленных к местным условиям. Военная демократия породила элементарную, но очень эффективную схему: «один мужчина — один воин». Постоянные военные тревоги, институт кровной мести, набег как средство существования, воинский подвиг как способ утверждения в обществе, — все это вело к тому, что меткая стрельба, виртуозное владение холодным оружием, навыки скрытного передвижения считались достоинством каждого кавказского мужчины.

Для многих племен этого региона война не являлась экстремальной ситуацией, ей был во многом подчинен быт, устройство жилища, костюм и правила поведения. Горцы были природными воинами, и можно смело утверждать, что в лице местных ополченцев русское командование получало бойцов, прекрасно приспособленных к условиям маневренной горной войны.

7. Широкое использование иррегулярных национальных формирований на Кавказе в XVIII–XIX вв. объясняется некоторыми особенностями военных технологий того времени.

Сравнительно высокая численность легкой конницы, игравшей более чем скромную роль в сражениях, объясняется тем, что она была своеобразными глазами и ушами армейского организма. Отсутствие технических средств разведки и связи вынуждало командование создавать вокруг основных сил завесу из конных дозоров, определявших месторасположение противника и одновременно препятствовавших

врагу получать сведения о своей армии. Доставка пакетов, конвоирование обозов, сопровождение важных персон требовали выносливых всадников, способных переносить трудности бивачной жизни. На кавказских и среднеазиатских рубежах иррегулярная национальная кавалерия сохраняла свое значение, благодаря своей способности обходиться без обременяющего обоза, высокой маневренности, умению действовать как в пешем, так и в конном строю, меткой стрельбе и виртуозному владению холодным оружием. Кроме того, как писал военный министр Д.А.Милютин, «...формирование этих милиций из туземцев приносило двойную пользу: давало возможность уменьшать наряд казаков и вместе с тем извлекало из туземного населения и дисциплинировало именно тех бездомных сорванцов, которые обыкновенно являются первыми зачинщиками в народных волнениях и мятежах».

8. В целом опыт формирования национальных частей на Кавказе и применения их в ходе операций как против иностранных армий, так и против народных ополчений не выходит за рамки того, что происходило в зонах боевых действий европейских войск против войск неевропейских: в максимальной степени использование традиционных форм военной организации, привлечение в первую очередь туземной элиты на службу на командных должностях. В регионах с пестрым этническим составом российские власти успешно пользовались давним соперничеством или даже враждой отдельных племен и родов. История национальных формирований на Кавказе является серьезным доводом в пользу того, что устоявшийся в отечественной историографии тезис об антиколониальном, национально-освободительном характере Кавказской войны требует основательной ревизии.

Использование национальных формирований оказывалось возможным только при учете межплеменных и межродовых отношений.

В процессе создания национальных войск проявлялись две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, власти стремились держать эти части под контролем, русифицируя командный состав. С другой стороны, налицо было стремление включить местную знать в систему государственного управления через военную службу. Военная служба была важнейшей формой существования местных туземных элит. Полное разрушение традиционных форм военной организации означало бы исчезновение постоянных и неизменных основ существования этих элит, что было чревато не только конфликтами с наиболее активными членами национальных сообществ, но и ослаблением действия механизмов социального контроля, которыми являлись

военизированные традиционные структуры. Подвергалась серьезно потрясению вся социальная конструкция, поскольку из нее вырывался один из важнейших механизмов регулирования и средство идентификации и самоидентификации. Важным является и то, что представители элиты не всегда могли перейти в аналогичную страту в регулярных войсках. Следствием этого могло быть накопление «горючего материала» среди тех слоев населения, которые считали военную службу наиболее соответствующей своему статусу. Правительству приходилось придумывать различные комбинации, чтобы установить контроль над некоторыми территориями и одновременно максимально сохранить привычную для местного населения схему управления. Так, например, вождю племени кенгерлинцев (Азербайджан) Эксан-хану в 1843 г. был пожалован чин генерал-майора, его назначили «военно-походным атаманом закавказских мусульманских войск», лишив одновременно каких бы то ни было возможностей действовать вразрез с интересами имперской администрации. В России до военной реформы 1874 года прием на службу четко разделялся на две линии: на правах дворянства и на правах податных состояний. На всех национальных окраинах возникали проблемы с социальной идентификацией: многие представители местной знати по формальным признакам не принадлежали к благородному сословию, но определить их на службу наравне с крестьянами было немыслимо.

Милиционеры вовсе не были марионетками, беспрекословно исполнявшими исходившие «сверху» приказы. У них было свое собственное представление — с кем, когда и как воевать. Если эти представления совпадали с видами русских генералов, то лучших воинов, чем ополченцы, трудно было найти, если не совпадали — милиционеры в лучшем случае имитировали боевую активность, в худшем — помогали противнику. Участие местных жителей в походе практически всегда было проявлением застарелой вражды или желанием не пропустить удобный случай ограбить соседа с санкции властей. Привлекает внимание и тот факт, что во время пленения Шамиля последний потребовал, чтобы мусульманскую милицию отвели за линию русских войск.

Использование национальных формирований на Кавказе было одним из проявлений известного имперского принципа «разделяй и властвуй». Так, одной из целей сбора милиции А.П. Ермолов считал усиление розни между местными племенами. В 1819 году он открыто писал о формировании шамхальской и мехтулинской милиции: «...потому приказал собрать оную, чтобы возродить вражду к ним акушинцев и возбудить раздор, полезный на предбудущее время». В 1821 году Ермолов настоял на участии бабуковцев (кабардинцев, переселившихся на казачьи земли) в походе на кабардинские аулы. При этом он приказал: «...из получаемой добычи в делах, где будут находиться

бабуковцы, непременно давать им некоторую часть оной, а если не захотят брать, то принуждать к тому».

Часто русские войска оказывались союзниками одной из конфликтующих сторон, причем достаточно распространенными были такие ситуации, при которых защищаемые оказывались жертвой нападения или, наоборот, его активными участниками. Союзнические и добровольные формы военного сотрудничества перетекали в обязательства выставлять воинские формирования по требованию русского командования.

Действия Шамиля на Восточном Кавказе, выражавшиеся в жестких мерах против уклонявшихся от борьбы с русскими, привели к появлению в этом регионе большого числа людей, которые готовы были сражаться с имамом. В 1842 году около двухсот воинов, враждебных Шамилю, сформировали отряд, получивший название «Дагестанские всадники», который был развернут в 1852 году в Дагестанский конно-иррегулярный полк, сыгравший важную роль в покорении Восточного Кавказа. Первоначально полк состоял почти исключительно из аварцев, постепенно в его составе стали появляться представители других народов Кавказа, а также всякого рода искатели приключений.

9. Высокий авторитет военачальников был причиной того, что именно офицеры милиции составляли большую часть колониальной администрации.

Поскольку гражданское управление и военно-полицейские функции на Кавказе были трудноразделимы, наиболее подходящими кандидатурами на посты разного рода местных начальников оказывались бывшие офицеры милиции — этим во многом объясняется высокий статус чинов и наград. Курьезно, что в Чечне и Дагестане нередко в соседних округах имперскую администрацию представляли бывшие милиционеры и бывшие наибы Шамиля. Участие в боях против русских войск не являлось серьезным препятствием для занятия административных постов. Именно туземный элемент в управлении краем часто был источником волнений, поскольку приставы (так назывались представители правительства на местах) обычно злоупотребляли своим служебным положением.

10. Символом подчинения Кавказа стал Кавказско-горский эскадрон, включенный в состав Собственного его императорского величества конвоя.

В 1829 году началось комплектование особой гвардейской части, составленной из уроженцев Северного Кавказа и Закавказья. К началу 1850-х годов эскадрон состоял из четырех команд — грузин, горцев, лезгин и мусульман. В первой, кроме этнических грузин, служили также армяне, вторая состояла из кабардинцев, осетин и других народов Центрального и Западного Кавказа. Третью команду составляли дагестанцы, а четвертую — азербайджанцы. Служить в Конвое зачислялись только лица, не утратившие связи со своими племенами или родами, для чего запрещалось брать на службу обрусевших или поселившихся во внутренних губерниях империи. Офицером конвоя мог стать человек, окончивший военно-учебное заведение, отличившийся в боях, отслуживший два года в армейском полку и к тому же происходивший из «почетнейших» кавказских фамилий. Основными задачами этой части стало «олицетворение» покорения Кавказа и подготовка командных кадров из местных жителей. Первое достигалось за счет включения в Конвой представителей различных народов этого края, второе — путем производства в офицеры юнкеров и рядовых всадников.

За время своего существования (упразднен в 1882 году) Кавказско-горский эскадрон стал школой для военного обучения 754 офицеров, из которых 524 поступили корнетами в кавалерию, а 230 — прапорщиками в милицию.

ЛЕКЦИЯ 5. Кавказская война в историко-антропологическом измерении.

1. В ходе Кавказской войны Российская армия претерпела значительные изменения практически во всех сферах военного дела — от стратегии и тактики до обмундирования и традиций. Эти изменения были продиктованы реалиями боевых действий в данном регионе.

Главной целью российского правительства официально объявлялось «умиротворение» горцев, выразившееся прежде всего в отказе их от набегов. Но армия, являясь инструментом насилия, в принципе не могла решать такие задачи — ее делом было уничтожение и разрушение. В Европе к тому времени выработались некоторые общепринятые формы «силового общения», оказавшиеся совершенно непригодными в местных условиях Кавказа.

Стратегия как таковая предполагает наличие важных политических или экономических пунктов, оккупация которых настолько разрушает соответственно политическую и экономическую организацию противника, что продолжение борьбы становится невозможным. Захват или даже реальная угроза таким пунктам и обуславливали цели масштабных операций, определявших исход войны. Русские войска в XVIII—первой половине XIX вв. совершили десятки таких *походов*, не приносивших никаких плодов. До середины XIX века в Петербурге, где принимались решения о планах и стратегиях кампаний, упорно не замечали особенностей этого театра военных действий. «Чехарда» военачальников всех рангов была одним из проявлений этого упорства: тасованием генеральской колоды пытались найти выигрышную комбинацию.

Другая причина неэффективности крупных экспедиций имела технологический характер: ограниченные ресурсы края требовали формирования больших обозов, которые в условиях гор лишали и без того громоздкие отряды подвижности — важнейшего компонента маневренной войны.

На первых этапах войны торжествовала *кордонная стратегия*. Это объясняется давней традицией устройства оборонительных линий и, главное, отсутствием притязаний империи на территориальные приобретения. В целом Россию вполне устраивала граница по Тереку и Кубани, а после присоединения Восточной Грузии — спокойствие на ее восточных и северных рубежах. Но кордонная система была скорее наблюдательная, нежели оборонительная. Она оказывалась уместной только в том случае, когда порубежная территория либо находилась под устойчивым политическим контролем (вла-

сти соседей не позволяют своим подданным «шалить» на границе), либо «шалуны» не представляют серьезной опасности, как это было, например, на границе с Казахстаном. На Кавказе русские войска имели дело с воинственными и многочисленными племенами, для которых набег был важным элементом повседневной жизни. Кордонная линия не могла стать для них преградой.

Оборонительная стратегия могла стать решением проблемы при условии принятия русской стороной местных «правил игры» — «вечная война», без эскалации, с сезонными затишьями и редкими вспышками, в основном из-за «внешних» причин. Но это было невозможно: во-первых, в Петербурге не могли согласиться на вечное существование потенциального союзника Турции, во-вторых, состояние перманентной войны противоречило политической культуре России того времени, правительство не собиралось терпеть «беспорядки» на границе.

Очевидный провал «кордона» и «стратегического наступления» породили некий гибрид, оформившийся в создании *сети укреплений*, которые и формировали «пространство войны». Порочность этой смешанной системы заключалась в том, что она унаследовала родовые недостатки систем предыдущих. Мелкие форты не позволяли контролировать территорию за пределами прямого выстрела, не могли стать опорой для отрядов, совершающих рейды.

Логика войны толкала русское командование к использованию местных методов — *набегов карательных и превентивных*. В первом случае это было наказание за вторжение на российскую территорию, во втором — подрыв благосостояния горских обществ и, как следствие, — ослабление их боеспособности. Для армии же легализация набегов означала разрыв с европейскими представлениями о правилах и нормах войны. Согласно главе 7-й («О разбое, грабеже и насилии») «Полевого уголовного уложения для Большой Действующей Армии», смертная казнь ждала военнослужащих, виновных в «грабеже лиц, домов, селений и вообще собственности» (§ 61). Так же сурово каралось «зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей» (§ 62). Если все вышесказанное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§ 63, 73). Офицер, уличенный в мародерстве, лишался чинов и изгонялся из армии (§ 72). При строгом следовании законам весь Отдельный Кавказский корпус должны были расстрелять по приговору полевого суда, поскольку в его составе не было ни одного человека, не причастного к подобным деяниям.

Если в первые годы XIX столетия командование испытывало по меньшей мере душевный дискомфорт от признания разрушительных набегов нормой, — известны даже случаи привлечения к суду командиров, проявивших «неоправданную» жестокость, то позднее разгромы непокорных аулов стали обычным делом, а добыча указывалась в

победных реляциях. Таким образом, неэффективность европейской стратегии сыграла важную роль в формировании особого типа кавказского солдата.

Согласно § 39 и 40 статьи 5-й того же «Полевого уголовного положения...», смертью наказывалось «...явное неповиновение или бунт жителей мест и областей, армией занимаемых, истребление ее продовольствия и всякое злонамеренное препятствие ее движению и успехам», а также «...склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения». При строгом следовании этим пунктам расстрелу подлежало едва ли не все население Северного Кавказа. Абсурдными в условиях Кавказской войны выглядели и некоторые статьи 2-й главы уже упомянувшегося дисциплинарного положения, приравнивавшие к измене «...переход без письменного дозволения за цепь или за линию, за которой можно иметь сообщение с неприятелем», или «выход из осажденной или обложенной крепости без дозволения коменданта».

Таким образом, стратегия и тактика русских войск на Кавказе вступала в непримиримые противоречия с правовыми нормами и положениями устава, что в свою очередь сыграло важную роль в формировании типа «кавказца» и определило те глубокие внутренние преобразования, происходившие в войсках в ходе колониальной войны. Свое право отступать от европейских норм войны русские военачальники обосновывали тем, что противник сам ведет себя не европейски.

Была опробована на Кавказе и стратегия «*экономической блокады*»: непокорные аулы лишались возможности использовать удобные в хозяйственном отношении земли в долинах и предгорьях. Кроме того, всеми способами пресекалась торговля. Этот метод также не принес ожидаемых результатов. Натуральное хозяйство горцев от торговых санкций практически не пострадало, зато ряды противников России пополнились жителями тех аулов, которые издавна специализировались на ремеслах и в «разбойниках» не числились. Установить некий «железный занавес» русское командование было не в силах, а там, где местность и высокая концентрация войск позволяли отсечь горы от равнины, срабатывал нехитрый, но действенный механизм сотрудничества «мирных» с «немирными». Жители мятежных аулов пасли свой скот и возделывали поля под охраной русских солдат, у которых не было никакой возможности выявить принадлежность скота и самого горца. Мирные горцы в обмен на сотрудничество получали право пастись свой скот летом на высокогорных лугах и свою долю добычи после успешных набегов своих немирных соплеменников. Разумеется, в таких условиях задушить горцев голодом было практически невозможно. Кроме того, полоса мирных аулов, разделявшая две враждующие стороны, исключала

проведение внезапных операций: о каждом подозрительном движении войск «немирные» получали своевременное уведомление.

Периодически неэффективность насильственных действий порождала в головах «власть предержащих» идею *мирного урегулирования*, которое предусматривало целый комплекс мер: переговоры, организацию торговли, просвещение и распространение христианства.

Процесс «мирного покорения» Кавказа шел очень медленно, постоянно прерывался вспышками насилия, которые сильно компрометировали «человеколюбивые» методы в глазах военных. Эти методы не давали немедленных результатов, а каждый главнокомандующий, считавший себя способнее и удачливее предыдущего, «по определению» должен был представить на высочайшее имя рапорт о скорых и явных успехах, а не о планах, реализация которых требовала десятилетий. В начале 1830-х годов на Кавказе было немало начальствующих лиц, которые видели бесперспективность карательных экспедиций и военно-экономической блокады. Генерал Н.П. Панкратьев, командовавший русскими войсками на Восточном Кавказе, обращался к горцам с прокламациями, в которых обещал неприкосновенность религиозного и жизненного уклада, полную амнистию всем, кто заявит о своей покорности. Однако проведенные ранее репрессии уже сформировали в дагестанцах представления об агрессивности русских и о необходимости вести с ними бескомпромиссную борьбу, и большого значения эти прокламации не имели.

После того как вышеуказанные методы были признаны неэффективными, решили вернуться к стратегии, опробованной еще в 1810-х гг. А.П. Ермоловым: постепенное сжатие непокорных областей цепью укреплений, образующих не отдельные изолированные островки российского влияния, а составляющих некий прочный каркас постоянно и эффективно действующей *системы силовой поддержки правительственной власти*. Важными составными частями этой стратегии являлись рубка леса и строительство дорог, делавших любой пункт достигаемым для пехотных частей, а также переселение горцев на равнину, где их способность к сопротивлению резко снижалась.

2. Особый характер военных действий на Кавказе вносил существенные коррективы в сложившиеся представления о тактических построениях, о поведении в бою командиров и подчиненных, о дисциплине, о соблюдении уставных требований, о снабжении, — фактически обо всем, что составляло тогда военный быт.

Основными тактическими единицами на Кавказе стали отряды различной численности, составленные, как правило, из трех родов войск — пехоты, конницы и артиллерии. Широкое применение

отрядной системы, не предусмотренной в российских боевых уставах, влекло за собой следующие последствия: во-первых, в «правильной» войне пехотные офицеры в чине ниже полковника только в исключительных случаях получали под свое начало артиллерийские, саперные и кавалерийские части, приобретали навыки руководства «чужими» родами войск.

В условиях маневренной войны, где фланги и тыл были понятиями весьма относительными, обстановка требовала активных наступательных действий, так как отступление, в европейских условиях бывшее путем к спасению, на Кавказе являлось почти верной дорогой к гибели, так как именно отступающие части подвергались горцами самому тяжелому испытанию. Отважные, отчаянные и подчас безрассудные атаки кавказских войск являлись в действительности следствием опыта, ясно показывавшего, что спасение — только в разгроме противника.

В «правильной» войне обоз находился в относительной безопасности и подвергался нападению противника только в случае разгрома и беспорядочного отступления всей армии. На Кавказе именно обоз был самой лакомой целью для партизан. Удачная атака позволяла им пополнить свои запасы и лишить противника средств для наступления. Обоз здесь был самым опасным и ответственным местом службы. В Европе «авангард» ассоциировался с отвагой и боевым порывом. На Кавказе же самым трудным было прикрытие тыла, и в арьергард посылали самых опытных и самых храбрых командиров и солдат.

В ходе войны войска постепенно избавлялись от «уставной» униформы, непригодной в местных условиях. Чудовищное изобретение парадоманов, кивера, было заменено фуражками и барашковыми шапками, сапоги — горскими кожаными лаптями, ранцы — холщовыми мешками, на шинели и мундиры нашивались газыри (кармашки для патронов). Так же игнорировали уставные требования к обмундированию и офицеры. Как писал историк Тенгинского пехотного полка Д.В. Ракович: «...Всякого свежего человека, первый раз встречавшего кавказские войска, поражало это полное отсутствие воинского вида, и именно в то время, когда высшие сферы признавали форму за сущность и малейшее отступление от образцов готовы были считать падением доблести... В общем неказисты были с внешней стороны кавказцы, не любили они также парадов, смотры их были обыкновенно неудачны, но это не мешало им оказывать чудеса храбрости и выносливости».

Обычаи европейской войны запрещали добивать раненых уже в XVIII веке, что освобождало командование от забот о них — всех неспособных следовать за своей частью сдавали на попечение местных жителей. На Кавказе раненые нуждались в постоянной защите, так как обе стороны добивали тех, кто не мог двигаться самостоятельно,

поскольку таковые сковывали действия отрядов. Принципиально иным было и отношение к пленным. Если они не мешали передвижению, то их берегли для выгодного размена, если мешали — их убивали без всякой жалости.

Горцы, захваченные во время карательных экспедиций, находились на положении военнопленных, в то время как плененные на «русской» территории проходили по уголовным статьям за грабеж. Их ждал суд, арестантские роты, ссылка в Сибирь или во внутренние губернии. Того, кто принял участие в набеге после дачи присяги о покорности, могли расстрелять как изменника.

Война и мародерство неразделимы. На Кавказе распространенность санкционированных и несанкционированных реквизиций объясняется целым рядом обстоятельств. Интендантство в принципе было не способно обеспечить войска всем необходимым даже в мирное время, а на войне тыловики часто вообще забывали о своих подопечных. Русская армия в XVIII–XIX вв. выживала в основном за счет самообеспечения (питание с хозяйского стола в период постоя, «экономию» провианта и фуража за счет того же постоя, развитое полковое хозяйство, солдатская кооперация — артель). В условиях Кавказа эти механизмы в большинстве случаев оказались неработающими: разместить солдат в саклях горцев никому и в голову не приходило, об «экономии» фуража никто и не вспоминал, вести полковое хозяйство и поддерживать артель за счет «вольных» заработков в условиях перманентной войны и враждебного окружения было крайне трудно. Естественным результатом стал интерес солдат к чужому имуществу. И солдаты, и командиры видели, что многотрудное выращивание того же скота может быть успешно заменено одним удачным набегом, а в тех случаях, когда полковой скот оказывался предметом чужого покушения, часто просто оказывались вынужденными сделать ответный ход. Стимулировало бесцеремонное отношение к чужому добру и практика разорения непокорных аулов. Заразительным был также пример и казаков, и местной милиции.

3. Специфические условия Кавказской войны вели к формированию особого типа солдата и офицера.

Необходимость вести полковое хозяйство, приспособляясь при этом к местным условиям, была еще одним толчком к культурному сближению русских военных и местных жителей. Огромную роль играло осознание постоянства своего статуса (солдат служил фактически пожизненно), и то, что этой войне нет конца, что она становится его жизнью. Полки, подолгу служившие на Кавказе — Эриванский, Тифлисский, Апшеронский, Тенгинский, Навагинский, Куринский,

Кабардинский пехотные, Нижегородский драгунский и другие, принципиальным образом отличались от остальной армии внешним видом, боевыми навыками, представлениями о правилах войны и менталитетом. В старых «кавказских полках» формировались особые охотничьи команды, игравшие роль отрядов «специального назначения». Как писал мемуарист, «...они носили азиатский костюм, имели бороды и бритые головы и донельзя переняли и усвоили себе все приемы и привычки горцев...».

Части, прибывшие из России и не адаптировавшиеся к местным условиям, обыкновенно несли неоправданные потери. Так, один из батальонов 5-го пехотного корпуса, переброшенного из России в 1845 году, был спасен от истребления опытными солдатами Кабардинского полка, которые сумели осадить конницу Хаджи-Мурата, принявшуюся рубить «новичков», захваченных врасплох в походе. Это неумение «российских войск» постоять за себя, придти на помощь, организовать надежное охранение, совершить форсированный марш в горах, обустроить, наконец, бивак в особых кавказских условиях вызывали понятное раздражение у ветеранов-кавказцев, которым часто приходилось служить за двоих, так как командование, опасаясь неудачи, старалось решить проблемы силами «проверенных» подразделений.

Новички также испытывали сильнейший шок от того, что их военные навыки (в основном, плац-парадного характера) совершенно не ценились на новом месте службы, а доведенное до совершенства уставное обмундирование (святая святых!!!) является предметом насмешек со стороны местных военных щеголей, демонстрирующих причудливую комбинацию армейского мундира и черкесского национального костюма. Командиры вновь прибывших частей нередко по своей инициативе предпринимали шаги, которые ветеранам казались ненужным риском, неоправданной потерей людей и т. д. Этим объясняется взаимная неприязнь так называемых «российских» и «кавказских» войск.

Уровень принятия самостоятельных решений на Кавказе снижался с командира полка (обычная планка в «европейском» бою) до командира роты или даже взвода. Ober-офицеры здесь не просто контролировали выполнение приказов вышестоящего начальства, а распоряжались жизнями своих подчиненных. Отсутствие привычных схем субординации, проблематичность управления войсками значительно повышали роль начальников отдельных частей, которые должны были «сообразить» общий стратегический план командования и реальную боевую обстановку.

Крепости на Кавказе сначала также строились по шаблону, установленному для европейской войны с массированным применением артиллерии, и только после нескольких жестоких уроков стали приспособляться к местным условиям (укрытие от огня снайперов, предупреждение внезапных нападений).

Жесткая муштра солдат, без упоминания о которой не обходится ни одно сочинение по военной истории XVIII–XIX вв., обычно определяемая как безумие, вовсе таковой не была. Доведение боевых навыков до автоматизма — важнейшая часть воспитания солдата. Перестроения были важнейшим элементом военной технологии, поэтому им придавалось такое большое значение. В Кавказской войне требовался принципиально иной автоматизм, малопригодный в европейской войне, как та понималась русскими генералами. Не надо говорить о том, что плац-парадный автоматизм был совершенно ни к чему на Кавказе.

Общий ритм боевых действий на Кавказе имел важное принципиальное отличие от «правильной» европейской войны. Здесь сравнительно редкими были крупные сражения, требовавшие от их участников мобилизации всех физических и моральных сил. На Кавказе войска находились в почти постоянном напряжении, в вечной тревоге, создававшей особую психологическую атмосферу. Почти каждый четвертый военнослужащий был убит или ранен во время бесчисленных стычек, которые указываются в реляциях даже без общего их количества и указания точного места события. Особенно впечатляет то обстоятельство, что именно в этих стычках в руки горцев попадало наибольшее количество пленных. В некоторые годы этот показатель составлял 100 %.

4. Войска на Кавказе были вынуждены приспосабливаться к местным условиям, нарушая в большом и малом различные уставные требования. Изменения в обмундировании, тактике, правилах ведения полкового хозяйства законодательно закреплялись после их многолетнего практического применения.

На Кавказе власти столкнулись с уникальным явлением — «приватизацией» войны, которая для солдат и офицеров стала не просто выполнением присяги, а личным делом, которое они выполняли не за страх, а за совесть. Солдат на Кавказе вел «свою» войну, поэтому его не сдерживали уставы, муштра и присмотр офицеров. Самостоятельность солдата подразумевала его свободу в принятии *лю бы х* решений, в том числе и дисциплинарного характера. Месть за павших товарищей становится основной мотивацией, появляется понятие «старых счетов» с отдельными племенами и родами, действительные военные заслуги служат мерилем положения той или иной части в военном сообществе. Элементы кавказской народной военной культуры приживались в регулярных русских войсках. Сама бесконечность войны, смысл которой никто не мог уловить, сыграла важную роль в превращении полков в своеобразные военные «племена», для которых боевая обстановка становилась образом жизни.

Об удивительных метаморфозах в сознании кавказских войск ярко свидетельствуют слова К.К. Бенкендорфа — племянника знаменитого шефа жандармов и главного начальника III Отделения: «Тот, кто никогда не едал баранты (скота, захваченного во время набега — В.Л.), не поймет всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обе щеки чужое добро, и не поймет также, до чего это мясо вкусно и насколько питательно и вообще — лучше продаваемого мясником, и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказе разбойничество, что называется, носится в воздухе, им упиваются и существует особая любовь жить воровством. Может ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносит разнообразие в монотонную выдачу одних только гнилых сухарей от интендантского чиновника!..»

В воспоминаниях этого же мемуариста упоминается о том, что во время одной массовой драки русских с чеченцами солдаты-куринцы бились на одной стороне с горцами против соотечественников-апшеронцев. «Как нам не защищать чеченцев, — говорили куринские солдаты, — они наши братья, вот уж двадцать лет, как мы с ними деремся!»

По «родоплеменному» типу складывались и отношения между солдатами и офицерами. Если «свой» офицер мог рассчитывать на все, чем располагал солдат — от жизни до последнего сухаря, то «чужие» оказывались таковыми в полном смысле этого слова: «Князь Гагарин, решившись с вечера ночевать как спартанец, через несколько часов потерял всякую решимость и вздумал оттягать у каких-то солдат клочок подстилки, но получил отказ наотрез. Напрасно, чувствуя себя дурно, он называл чин и фамилию, — солдаты были неумолимы и, закутавшись в шинели, сердито ворчали». Военный, не служивший на Кавказе, никогда бы не поверил этим словам мемуариста. Если же командир в своих действиях слишком далеко выходил за рамки дозволенного неписаными правилами этой войны, он рисковал получить пулю в спину в первой же перестрелке.

Приватизация войны была причиной того, что солдаты и офицеры сами принимали решения о прекращении и возобновлении боевых действий, о необходимости «наказания» того или иного аула, о заключении негласного «сепаратного» мира и т. д. Этому способствовала зыбкость границы между «мирными» и «немирными» горцами, постоянная изменчивость оперативной обстановки. Продажа боеприпасов противнику была осуждаемым, но нередким явлением. Иногда гарнизоны фортов устанавливали «молчаливое» перемирие — в обмен на возможность пасти скот и заготавливать дрова они не препятствовали горцам вести хозяйственные дела буквально под пушками укрепления. Масса непонятных постороннему человеку вещей происходила и в сфере обмена пленными. Имеются достаточно надежные сведения

о том, что иногда это превращалось в весьма выгодный бизнес, в котором свой интерес имели обе стороны. В 1851 году один из генералов обратился к главнокомандующему Кавказским корпусом за разъяснениями: незадолго до царского запрещения выкупать пленных за счет казны (Николай I сделал это, зная о злоупотреблениях) он получил от горцев нескольких нижних чинов и, за неимением в тот момент звонкой монеты, выдал черкесам вексель. Это свидетельствует об «особых» отношениях между противниками.

Метаморфозы солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса объясняются не только длительностью их пребывания в особой военной обстановке, но и спецификой призывного контингента до-реформенной российской армии. Несмотря на существование сложной системы «очередности», самые большие шансы попасть в армию при очередном рекрутском наборе имели лица с девиантным поведением (пьяницы, хулиганы, «говоруны» и т. д.), а также преступники, способные служить. Армия рассматривалась как часть пенитенциарной системы, и только во второй половине XIX века военное руководство стало протестовать против совмещения наказания за уголовное преступление с призывом на защиту Бога, царя и отечества.

Кавказ стал местом ссылки не только офицеров, но и нижних чинов, уже подвергавшихся судебному разбирательству. Нередко «штрафованные» составляли большую часть пополнения. Таким образом, старые кавказские полки собирали под своими знаменами большое число людей, склонных к нетрафаретным поступкам.

На Кавказе русская армия сражалась не с регулярными армиями, носителями уже достаточно интернационализированной и европеизированной военной культуры, а с вооруженными народами. Эффективный и адекватный ответ в виде приспособления к местным условиям войны неминусом должен был привести к тому, что сами регулярные войска стали постепенно принимать вид особого племени, и это не осталось незамеченным многими современниками.

Использование при комплектовании армии рядовым составом в основном славянского контингента на основе рекрутской повинности было причиной того, что горцами армия империи расценивалась как русская со всеми вытекающими отсюда последствиями для межнациональных отношений. Весьма непростой была и ситуация в связи с большим числом офицеров из грузин и армян: этот неоспоримый признак особого доверия правительства к христианам Закавказья противоречил уверениям властей о равноправии всех подданных императора.

Особенностью войны на Кавказе было наличие в рядах противников большого числа беглых солдат — русских, татар и поляков. Многие нижние чины оказывались в чужом стане по одной и той же роковой схеме, повторявшейся с незначительными вариациями: проступок —

побег из части, чтобы избежать наказания, — плен — роль проводника (под угрозой расправы). После участия в набеге пути назад уже не было, и до активного участия в походах оставался один шаг. Для некоторых солдат предательство оказывалось единственной альтернативой невыносимого рабства или казни.

Целые слободы беглых русских солдат (300–400 человек) были в аулах Ведено и Дарго. Их главным занятием была «строительная часть», а также изготовление и ремонт артиллерийских лафетов и ящиков. Они же составляли расчеты орудий, а также личную охрану Шамиля. Имеются сведения о том, что имам использовал русских дезертиров и для несения полицейских обязанностей в Дагестане. Уничтожение в одном из сражений половины этого «русского» легиона воспринималось командованием императорской армии как большая удача.

Активное участие русских дезертиров в боях на стороне горцев во многом объясняется особым характером этого специфического военного конфликта. Сравнительно несложно было бежать из своей части — трудно было убежать от войны. Попавшись в руки к горцам (а иного варианта быть не могло), бедолага оказывался не в тылу, а снова на войне, в которой участвовало все местное население. Важной причиной была уже упоминавшаяся приватизация войны, позволявшая отдельным личностям выбирать свой особый путь. Солдаты настолько вытягивались в сам процесс вооруженной борьбы, что его результат и цели отходили на второй план, если вообще сохраняли какое-то значение. Создавалось уникальная ситуация, в которой человеку в принципе было все равно, на чьей стороне воевать. Для ценящих волю только при условии ее беспредельности, живущих под девизом «судьба — индейка, а жизнь — копейка», уход к горцам был вполне логичным действием. Если обаянию горской воли поддавались европеизированные офицеры, то почему какую-то особую стойкость должны были проявлять солдаты? Поэтому участников Кавказской войны не шокировало то, что абреки-горцы легко находили общий язык с русскими дезертирами и вместе с ними формировали шайки настоящих головорезов.

Наконец, не могло не иметь последствий восприятие элементов туземной военной культуры. Солдат одевался как горец, воевал как горец, и, подобно изгнанникам или беглецам из аулов, искал приюта на стороне, в том числе и у бывших врагов, принимая их покровительство и обращая свое оружие против бывших товарищей.

Что касается дезертиров-поляков, то они ставили идею возрождения Польши выше присяги царю и воевали на Кавказе, поскольку литовские и польские леса были не самым подходящим местом для партизан. Одна окраина империи, таким образом, давала возможности для представителей другой окраины бороться за свободу последней на территории первой.

5. Использование опыта Кавказской войны в высших эшелонах военной власти было очень ограничено.

Подавляющее большинство гвардейцев и офицеров Генерального штаба, приезжавших на Кавказ по своей воле, были искателями чинов, наград и приключений. Ухватив чин и боевой орден, приобретая шарм «горного орла», такой офицер, даже действительно храбрый и полезный в боях, оказывался опять в «правильном» военном мире с его строгим соблюдением формы, уставов, где часовой должен бояться самого незначительного нарушения установленных правил, а не черкесской пули. Любые их попытки перенести кавказский опыт на всю армию повлекли бы за собой подозрение в тихом помешательстве. К тому же они попадали в особую среду, где тон задавали «паркетные генералы», где их навыки «неправильной» войны не могли найти применения. Настоящим боевым офицерам путь в гвардию был затруднен недостатком денежных средств и связей в свете, а в Академию Генерального штаба его преграждали сложные вступительные испытания. Путь же в ряды военной элиты шел либо через гвардейский полк, либо через Академию.

6. Победа в Кавказской войне во многом была обеспечена изменениями, которые стали ответом российских войск на военные, культурные и природно-климатические реалии этого региона.

Совмещение преимуществ регулярной армии с боевыми достоинствами партизанских действий, приспособление тактики и снаряжения к местным условиям, усвоение войсками Отдельного Кавказского корпуса не только боевых приемов горцев, но и элементов туземной военной культуры, — все это способствовало завершению войны: возрастала эффективность действий армии, произошло «сближение» знаковых систем обеих сторон, которые стали лучше понимать друг друга.

ЛЕКЦИЯ 6. Кавказская война и русское общество.

1. В отечественной историографии сложилось представление о том, что Кавказская война (периода покорения Чечни и Дагестана) является уникальным явлением в истории России, потому что целый ряд представителей национальной культурной элиты выразил сочувствие противнику, а некоторые даже осудили действия собственного правительства. На самом деле вопрос об отношении российского общества к покорению Кавказа выглядит более сложно.

В работах отечественных историков многие годы было распространено мнение, что все передовые люди России осуждали войну против горцев, причем список этих людей традиционно включал в себя А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Т.Г. Шевченко. При этом старательно обходилась вопрос о восприятии этой позиции общественным мнением страны в целом. Кроме того, все высказывания «властителей дум» неопределенного характера трактовались в пользу «антивоенной линии». Образцовой работой в этом смысле является книга В.Г. Гаджиева и А.М. Пикмана «Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е гг. XIX в.», изданная в Махачкале в 1998 году. Не надо даже говорить, что авторы книги не обращают внимания на то, что вышеуказанные литераторы и общественные деятели по большей части занимали позицию полного неприятия официальной, правительственной политики: с их точки зрения все, что исходило из Петербурга, было достойно осуждения. Кроме того, Гаджиев и Пикман слишком тенденциозно трактуют многие высказывания русских писателей, публицистов и общественных деятелей оппозиционного правительству направления.

Между тем, не все так просто обстояло и в лагерях либерально-оппозиционном и радикально-антиправительственном. Декабристов традиционно и не без оснований считают представителями передовой части русского общества, поэтому их отношение к Кавказской войне может служить отражением позиции этого направления в общественном движении. М.С. Лунин не испытывал к горцам ни уважения, ни сочувствия, не будучи, однако, вовсе оголтелым националистом; о войне с поляками он, например, писал с горьким сожалением. А.Е. Розен, рассуждая о причинах медленного завоевания Кавказа, не сомневался в правильности действий правительства, хотя и признавал, что «...принесли мы на Кавказ только оружие и страх, сделали врагов еще более дикими и воинственными...». А.С. Пушкин — камертон своей эпохи — воспринимал Кавказскую войну как данность.

Поэт рассматривал три пути решения задачи, каждый из которых сводился по существу к ликвидации уникальной культуры горцев — военное давление, «культурное перевоспитание» и насаждение христианства. При этом к успешности второго и третьего пути Пушкин относился явно скептически. Известны восторженные слова поэта, адресованные активному участнику Кавказской войны генералу П.С. Котляревскому, который «...губил, ничтожил племена...», известны и его симпатии к А.П. Ермолову, оставившему о себе страшную память на Кавказе. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин без смущения описал свою стычку с местным жителем, не отдавая себе отчета в том, что вел себя в этой ситуации, мягко говоря, не совсем корректно для европейца и совершенно дико для туземца.

Близость позиций российского общества, в том числе многих представителей его прогрессивной части, и российского правительства в отношении к Кавказской войне объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, русская армия была «священной коровой», и только тыловые учреждения или специально отданные на съедение журналистам ретрограды-генералы могли стать объектом резкой критики на страницах печатных изданий. Во-вторых, жестокость «хищников», как официально называли тогда горцев, прорывавшихся через Терек и Кубань, репутация работяг-торговцев, религиозный фанатизм сторонников Шамиля отталкивали тех, кто мог воспринимать их как борцов «за нашу и вашу свободу». Если венгерские и польские «инсургенты» вызывали симпатии в некоторой части российского общества, то чеченские и дагестанские повстанцы на это рассчитывать не могли. В-третьих, большинство представителей «читающей и думающей» России в XIX столетии придерживалось откровенно прозападной ориентации, в силу чего даже убежденные сторонники либеральной идеи, равно как и оппозиционно настроенные по отношению к власти общественные деятели, охотно воспринимали тезис о цивилизующей миссии империи на Кавказе.

2. При изучении реакции российского общества на процесс покорения Кавказа следует учитывать то, что Кавказскую войну начинала одна Россия, интенсивно вела уже другая, а заканчивала — третья.

В XVIII веке, когда Россия начала свое движение на Кавказ, ее военный потенциал еще не позволял вести активную политику одновременно по нескольким направлениям. Утверждение в Балтийском регионе, решение польского вопроса и борьба с Турцией в Причерноморье истощали ресурсы империи. Важным моментом было то, что в XVIII столетии Россия сама завоевывала и отстаивала статус

великой европейской державы. Время активного движения на Восток, принятие на себя цивилизаторской миссии наступило позднее, после наполеоновских войн.

Завоевание Адыгеи, Чечни и Дагестана, окончательное «умиротворение» Кабарды и Осетии Россия начала в сложной атмосфере победной эйфории 1812 года, общественного подъема и наступившей затем «аракчеевщины».

С воцарением Николая I в 1825 году началась эпоха завершения строительства петровской императорской России, максимально возможное усиление влияния государства на все проявления жизни общества; наступило время, когда «регулярное государство» доводилось до совершенства военно-полицейскими методами. Правительство уделяло большое внимание развитию технического образования, промышленности, строительству путей сообщения, в то же время препятствуя проникновению в страну всякого рода «либеральной заразы». Социально-экономическое, политическое и военное отставание страны от Европы обернулось поражением в Крымской войне. Александр II, ставший императором в 1856 году, начал либеральные реформы, главной из которых стала отмена крепостного права в 1861 году. Война началась, когда в России основным источником информации были слухи, а заканчивалась в эпоху, когда пресса стала важным фактором жизни государства и общества.

Общим для этого полуторавекового периода отечественной истории является незыблемость культа Петра Великого, положившего начало покорению Кавказа, а следовательно — определенная имперская направленность политики внутренней и внешней колонизации. Петербург в своих действиях в этом регионе постоянно ссылался на приверженность заветам царя-полководца.

Российские правительственные круги проявляли определенную нервозность в связи с тем, что европейское общественное мнение в целом было явно на стороне горцев. Россия не могла игнорировать европейского мнения. Несмотря на полную политическую и экономическую независимость, правительство весьма болезненно реагировало на критику со стороны европейцев, в которой причудливо смешивались и ненависть к «жандарму Европы», и страх перед великой державой — победительницей Наполеона, и сочувствие жертвам колониальной экспансии, и нежелание мириться с изменением стратегического положения России в Причерноморье, в ущерб интересам той же Англии.

Каждой из названных эпох, однако, соответствовали свои понятия о допустимых методах умиротворения непокорного инородческого населения. То, что воспринималось как нечто приемлемое в суровые 1830-е годы, после Крымской войны выглядело не соответствующим наступившему времени либерализма и гуманности. После

Крымской войны возросла озабоченность тем, как страна выглядит в глазах Западной Европы. Отсюда болезненная реакция на публикации в зарубежной прессе (прежде всего, в английской), по поводу переселения племен с западного Кавказа в конце войны и по ее окончании.

После Крымской войны 1853–1856 гг. в сознании российского общества все более и более укрепляется геополитическая установка на неизбежность конфликта с враждебным Западом, и поэтому Кавказ рассматривается как будущий фронт, который следует заранее подготовить и укрепить.

Этот же период характеризуется повышенным вниманием к «мусульманской угрозе», — и покорение Кавказа, борьба с Шамилем рассматриваются как победа христианской идеи, как выполнение важной цивилизаторской миссии. В целом российское общество было солидарно с правительственной политикой в этом регионе.

Созданный отечественной художественной литературой и публицистикой «собираательный» образ горца выглядит довольно симпатично, и это обстоятельство является едва ли не основным аргументом для обоснования тезиса о том, что «передовая Россия» занимала особую позицию по отношению к Кавказской войне. Однако в данном случае мы чаще всего видим другое: поэтизацию Востока, характерную для того времени, и признание неоспоримых достоинств противника. Россияне с их представлением о свободе как о безграничной воле не могли не симпатизировать горцам, офицеры и солдаты видели в них умелых и храбрых воинов, отдавая должное их стремлению отстоять свой жизненный уклад.

3. Российское общество было мало информировано о происходящем на Кавказе.

Кавказская война по ряду причин не оказалась в фокусе общественного внимания. Боевые действия в Дагестане, в Чечне и на Кубани не затрагивали внутриполитических интересов ни либералов, ни консерваторов, ни западников, ни славянофилов. Традиционная европейская ориентация образованного российского общества, а именно оно было основным потребителем информации, служила причиной тому, что газеты и журналы главное внимание уделяли событиям, происходившим на Западе.

В Николаевскую эпоху обсуждение сколько-нибудь важных политических явлений в прессе было практически невозможно, а в наступившую затем эпоху Александровскую опьяневшее от гласности и торопившееся выговориться общество имело огромное число

животрепещущих тем для обсуждения: разрабатывались и осуществлялись важнейшие, основополагающие реформы (крестьянская, судебная, земская, цензурная, университетская), определились ориентиры в области национальной политики в связи с польским восстанием 1863–1864 гг., намечались пути экономического и политического развития.

Официальную информацию о происходившем на Кавказе общество стало получать в 1829 году, причем сначала только о событиях в Закавказье. Причина такого шага ясно видна из письма графа И.Ф. Паскевича военному министру графу А.И. Чернышеву от 09.05.1829: «Близость театра войны и участие, принимаемое жителями Грузии в каждом военном событии (ибо они постигают, что от успехов наших завоеваний зависят не только их благосостояние, но и будущая участь), возбуждают в крайней степени любопытство здешнего народа. Всякое происшествие, в войсках наших случающееся, делается тотчас известным в Тифлисе партикулярно, обыкновенно с разными прибавлениями и часто с лживыми толками. Дабы предупредить оные, я поставил было себе правилом о всех действиях наших войск извещать здешнюю публику сколько можно поспешнее и обстоятельнее. А как донесения мои Г. И. (государю императору — В.Л.) о военных происшествиях заключали всегда сущность самих событий, основаны были на строгой истине и, по мнению моему, не имели в себе ничего такого, что бы должно было скрывать от здешнего народа, то я и приказывал те же самые обстоятельства, которые излагаемы были в означенных донесениях, помещать и в Тифлисских ведомостях».

Информация о происходящем на Кавказе очень скудными порциями доходила до россиян. Так, например, официоз военного ведомства «Русский инвалид» за весь 1830 год только один раз опубликовал материал на эту тему. После Крымской войны ситуация изменилась, роль печатного слова возросла многократно, объем и содержание периодики Александровского царствования не шли ни в какое сравнение с эпохой Николая I. Тем не менее, тот же «Русский инвалид» в 1858 году опубликовал только 26 статей (заметок) на кавказскую тему, причем 22 материала были заимствованы из газеты «Кавказ», выходившей в Тифлисе. Можно с уверенностью утверждать, что ни одна газета России не имела своего корреспондента в этом регионе. Влиятельная газета «Московские ведомости» за 1862 год семь раз писала о Кавказской войне, в пяти случаях используя материал из «Русского инвалида». Создается впечатление, что органы печати «по цепочке» распространяли то, что сочиняли журналисты тифлисского «Кавказа».

Вообще, судя по публикациям в прессе, русское общество гораздо сильнее интересовалось Пруско-датской войной, Польским

восстанием 1863—1864 гг., положением негров-рабов в США, французской экспедицией в Мексику и дебатами в британском парламенте. В 1863 году, например, «Московские ведомости» вспомнили о Кавказе только 5 марта, в 49-м номере, между тем публикуя статьи о Польше почти в каждом выпуске. Рупор правительства ежедневная газета «Северная пчела» за весь 1863 год всего три раза коснулась боевых действий русской армии за Кубанью.

Война длилась столь продолжительное время, что ее окончание весной 1864 года оказалось для всех неожиданностью.

7 апреля «Русский инвалид» сообщил о том, что 2 апреля отряд генерала В.А. Геймана занял Сочи, а представители последнего непокорного племени убыхов выразили готовность сложить оружие и переселиться в Турцию. Учитывая то, что за годы войны условия перемирий неоднократно нарушались горцами, а занятые пункты не раз переходили из рук в руки, только несгибаемые оптимисты увидели в этом сообщении акт прекращения более чем полуторавековой резни. К тому же 10 апреля эта же газета напечатала известия о нападении «немирных» абадзехов на своего пристава, штабс-капитана местной милиции, а также о неудачном рейде кубанской сотни, потерявшей половину своего состава.

2 мая 1864 года редакция «Русского инвалида» решила во весь голос заявить о победе, сопроводив сообщение осторожными оговорками. В последующих статьях информация о кровавых стычках уживалась с уверениями в том, что «...горцы начинают привыкать к своему новому положению и понемногу входят в общую массу мирных граждан империи». Пресса поспешила растолковать россиянам значение этого события, тем более что требовалось дать ответ англичанам, развернувшим в своей прессе антирусскую кампанию, обвиняя русских в экспансионизме и жестокости. Ветеран боев в Дагестане или Чечне, развернув свежий номер «Русского инвалида» от 22 мая 1864 года, мог прочесть о своей цивилизаторской миссии: «Если Петр Великий основанием Петербурга прорубил окно, сквозь которое Россия взглянула на Европу, то в наше время умиротворением Кавказа прорубается окно для всей Западной Азии, Персии, Армении, Месопотамии, погруженных в вековое оцепенение. Сквозь это окно взглянут они на Европу, и если взглянут не без пользы для себя, в чем нельзя и сомневаться, то великий долг, лежащий на России относительно цивилизации, будет честно и достойно выплачен... С присоединением этой страны (Грузии — В.Л.) Кавказ составил часть России, и вместе с тем обязанность успокоить и умиротворить его сделалась неизбежным подвигом, отступить перед которым было бы несовместно с достоинством России».

15 июня Александр II своим рескриптом поздравил всех чинов, принимавших участие в войне, с победой и объявил о наградах.

Об официальном окончании войны было объявлено в рескрипте великому князю Михаилу Николаевичу от 12 июля 1864 года, и уже через неделю, 19 июля, «Русский инвалид» напечатал статью, в которой предупреждал об огромных трудностях по организации управления краем и, в частности, о том, что «...делать быстро слишком большие сокращения войск на Кавказе было бы преждевременно».

В то же время нельзя говорить о совершенном равнодушии россиян к проблемам Кавказа. Общество пыталось помочь правительству в поиске путей решения кавказской проблемы. Одним из видов этой помощи был поток проектов, где здравые рассуждения сочетались с фантазиями самого разного свойства. Предлагались различные планы боевых действий, которые должны были, по мнению их создателей, завершить бесконечную войну. Были советы покорять горцев не оружием, а культурой во всем ее широком объеме, т. е. просвещением, торговлей, были предложения «развратить» горцев роскошью или даже спойть. Были предложения учредить в Анапе лицей или кадетский корпус для совместного воспитания казачьих и черкесских детей, а также музыкальных школ для «смягчения местных нравов».

4. «Периферийный» характер Кавказской войны отчетливо проявился в исторической памяти государства и общества. Это со всей очевидностью отразилось в отечественной наградной системе, в формировании военно-мемориальной системы.

Первая специальная «кавказская» награда появилась только в 1837 году. Это была медаль, выпущенная к поездке Николая I на Кавказ. Вторую специальную медаль — «За взятие штурмом Ахульго» — выпустили в 1839 году. В 1860 году серебряной медалью «За покорение Чечни и Дагестана» были награждены участники боев на Северо-Восточном Кавказе, а в 1864 году — была учреждена медаль «За покорение Западного Кавказа. 1859—1864». В 1864 году учрежден особый наградной крест (три варианта — золотой, серебряный и бронзовый) «За службу на Кавказе», который получили участники боев 1859—1864 гг.

В нескольких пунктах Северного Кавказа и Закавказья были воздвигнуты монументы в честь побед русского оружия и подвигов российских воинов. В Темир-Хан-Шуре — памятник князю М.З. Аргутинскому-Долгорукому и обелиск в честь заслуг Апшеронского пехотного полка. Во Владикавказе был открыт памятник штабс-капитану Черноморского линейного батальона Н. Лико. Около аула Гуниб сохранился камень, на котором сидел князь А.И. Барятинский в день пленения Шамиля. Над камнем была сооружена беседка, увенчанная Георгиевским крестом. На стене беседки помещалась чугунная доска с лаконичной надписью: «1859 год, 25 августа, 4 часа пополудни», обозначающей точное время окончания войны на Восточном Кавказе.

В 60 верстах от Геленджика с борта проходящего корабля был виден памятник в виде большого белого креста, установленный в память о подвиге солдата Архипа Осипова, взорвавшего пороховой погреб укрепления Михайловское, когда в него ворвались черкесы. Осипов стал героем-символом Кавказской войны. Картины, посвященные обороне Михайловского укрепления, украшали залы некоторых учебных заведений, а лубки имели большую популярность в народе. Некоторое время на сцене держалась «драма-оперетка» «Архип Осипов», сочиненная Ф.А. Кони.

В Дербенте сохраняли домик, в котором останавливался Петр Великий во время Персидского похода. Практически во всех значительных населенных пунктах края улицы и площади назывались в честь военачальников — Воронцовская, Ермоловская, Барятинская, Евдокимовская. Названия нескольких населенных пунктов напоминали о славе русского оружия. Например, станица Слепцовская — в честь казачьего генерала Н.П. Слепцова, станица Баталпашинская — в честь победы над армией Батал-паши в 1791 году.

Но все эти символические знаки военной исторической памяти располагались исключительно на Кавказе. Вне пределов этого края не появилось ни одного «специального» монумента. Кавказская война осталась кавказской в буквальном смысле этого слова, не составив конкуренцию другим военным предприятиям империи в общественной исторической памяти.

С 1861 года в Петербурге стали ежегодно собираться ветераны Кавказской войны (в основном, генералы), но после 1864 года интерес к этим вечерам стал постепенно угасать, как и внимание общества к войне. Заметное оживление интереса к истории завоевания Кавказа произошло в 1870-е годы, проявлением чего стали многочисленные публикации воспоминаний, издание «Кавказского сборника» и «Актон Кавказской Археографической комиссии». Следует заметить, что последние два издания стали выходить в Тифлисе при непосредственной поддержке наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича.

Кавказская война, ее битвы и герои нашли весьма скромное отражение в монументальной скульптуре и батальной живописи. Сотни кораблей императорского флота носили имена, связанные с победами русского оружия с древнейших времен до начала XX века — «Олег», «Дмитрий Донской», «Азов», «Нарва», «Бородино», «Севастополь», «Лейтенант Шестаков» и т. д. Кавказская «тема» проявилась лишь трижды: в 1807 и 1828 гг. линейные корабли Черноморского флота были названы «Анапа» в честь взятия этой крепости русским десантом, а Петр Великий окрестил построенный в 1724 году 64-пушечный корабль «Дербентом» в память о Персидском походе 1722—1723 гг. Ни одно событие, ни один персонаж Кавказско-горской войны не были удостоены подобной чести.

В конце XIX—начале XX вв. Россия пережила эпидемию юбилейных торжеств. Пышно, на уровне ответственных государственных мероприятий отпраздновали двухсотлетие деяний Петра Великого — основания Петербурга (1703), победы под Полтавой (1709), взятия Выборга (1710), учреждения Сената (1711), не забыли 50-летие отмены крепостного права и 100-летие А.С. Пушкина. 1912-й и 1913-й годы вообще прошли под знаком проведения и подготовки празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года и трехсотлетия дома Романовых.

Пятидесятилетний юбилей победы над Шамилем в 1909 году отмечался более чем скромно, полностью затененный празднованием 200-летия Полтавской битвы, а пятидесятилетие окончания войны на Западном Кавказе оказалось под покровом масштабных торжеств по случаю 300-летия дома Романовых в 1913 году. Страна не вспомнила ни о сорокалети, ни о пятидесятилетии окончания Кавказской войны. В апреле 1904 года, понятное дело, было не до юбилея: правительство и общество было в шоке от первых результатов столкновения с Японией. Весной 1914 года мемориальные мероприятия были возможны, но их не проводили.

Таким образом, исходя из сказанного, можно утверждать, что процесс присоединения Кавказа к России нашел достаточно скромное отражение в исторической памяти российского общества.

Вместо заключения

Пленение имама Шамиля (1859 г.), прекращение организованного сопротивления в Адыгее (1864 г.) еще не означали установления полного контроля коронной администрации над всей территорией Северного Кавказа и Закавказья, достижения внутреннего спокойствия и безопасности. Спустя много лет после «окончательного покорения» некоторых территорий на них продолжали время от времени вспыхивать восстания, требовавшие вмешательства регулярных войск. Так, в 1871 году в Нагорном Дагестане были стерты с лица земли пять непокорных аулов, в 1872 году восставшими был убит начальник Хасавюртовского округа, а в 1877 году массовое восстание в Чечне и Дагестане фактически создало второй фронт на Северном Кавказе во время шедшей тогда войны с Турцией.

Многолетние боевые действия, жестокие карательные экспедиции вкупе с неотмененным институтом кровной мести привели к появлению большого числа людей, которые ждали удобного момента для расплаты. Нападения на военнослужащих были обычным делом практически во всех районах Кавказа до начала XX века. Длительная Кавказская война дала новый импульс абречеству: разного рода асоциальные элементы — «благородные разбойники», изгнанники из родных аулов, обыкновенные уголовники образовывали сообщества, жившие грабежом на больших и малых дорогах. Абреки пользовались поддержкой части населения, которое не только их укрывало, снабжало продовольствием, но и пополняло отряды, когда затевалось «серьезное» дело. В 1910 году абреки совершили успешный набег на город Кизляр, в 1905—1913 гг. для их нейтрализации проводились масштабные полицейские операции с привлечением больших сил местной милиции, казаков и регулярных частей.

Опасения прививать горцам навыки европейской военной организации являлись одной из главных причин отказа от введения в мусульманских районах всеобщей воинской повинности. Дислокация российских войск на Северном Кавказе и в Закавказье была ориентирована не только на быстрое развертывание в случае конфликта с Турцией, но и учитывала возможность восстания местного населения.

На большей части Дагестана, Чечни, Осетии и Кабарды было введено так называемое военно-народное управление, суть которого заключалась в отказе коронной администрации от вмешательства во внутреннюю жизнь горского общества, при условии отказа горцев от набегов. Административное деление сохраняло границы прежних этнотерриториальных образований, главами местной власти стали представители туземной знати, а во многих районах — бывшие наибы Шамиля.

Война привела к масштабным демографическим изменениям. Огромное число людей погибло в результате боевых действий и связанных с ними лишений (голод, потеря крова, болезни). Многие районы Западного Кавказа обезлюдели: десятки тысяч семейств из Адыгеи и Абхазии эмигрировали в Турцию, высокогорные аулы были разорены, а их жители насильно переселены на равнину. В Центральном и Восточном Кавказе эмиграция не приняла таких катастрофических форм, но и там вынужденная миграция привела к увеличению населения равнин.

Включение Северного Кавказа и Закавказья в состав Российской империи оказало большое влияние на экономическое и культурное развитие этого региона. Ликвидация угрозы разорения в ходе междоусобиц и нападений извне, а также включение региона в сферу общероссийского рынка способствовали увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Росло число поселений городского типа, которые, сохраняя свои первоначальные военно-административные функции, постепенно приобретали черты торгово-промышленных и культурных центров.

После покорения Кавказа имперская тенденция к расширению границ оказалась реализованной в Средней Азии. В походах 1860—1870-х гг. заметную роль сыграли полки, имевшие опыт боевых действий в Чечне, Адыгее и Дагестане.

Рекомендуемые исследования и материалы по истории включения Кавказа в состав Российской империи

- [Бенкендорф К.К.]* Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. СПб., 1911.
- Даргинская трагедия. 1845 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2001.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: Сборник документов. Махачкала, 1959.
- Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова. М., 1868.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957.
- Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2002.
- Кавказский сборник. Тифлис, 1871–1912. Т. 1–21.
- Рукевич А.Ф.* Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. 1914. № 8–12.
- Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868–1876. Вып. 1–9.
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. 1835–1838. М., 1865.

* * *

- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К.* Историческая география Дагестана. XVII — начало XIX в. Махачкала, 1999. Кн. 1.
- Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1998.
- Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа. Обычай. Право. Насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.
- Гаджиев В.Г.* Русско-дагестанские отношения в XVII — начале XIX в. М., 1988.
- Гаджиев В.Г., Пикман А.М.* Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е гг. XIX в. Махачкала, 1998.
- Гаммер М.* Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.
- Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000.
- Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992.

Дегоев В.В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры советского и пост-советского времени // Россия XXI. 1997. № 9–12.

Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. № 2 (150). М., 2000.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

Живков К.В. О проектах окончания Кавказской войны в середине XIX века // История СССР. 1958. № 3.

Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974.

История народов Северного Кавказа. (Конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Касумов А.Х. Северо-западный Кавказ в русско-турецких войнах и международных отношениях XIX века. Ростов-на-Дону, 1989.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е гг. XIX в. М., 1984.

Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. Т. 1–2.

Мальбахов Б.Х., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с народами Кавказа, Поволжья и Крымского ханства (середина XVI — конец XVIII вв.). Нальчик, 1996.

Острогорский М. Завоевание Кавказа Россией. 1801–1864. СПб., 1896.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь, 1912.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887–1891. Т. 1–5.

Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1866.

Фадеев Р.А. Шестдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991.

Шевченко Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII—первой половине XIX вв. Краснодар, 1993.

Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. Екатери-
нодар, 1913. Т. 1–2.

Barrett M. Thomas. At the Edge of Empire. The Terek Cossaks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Westview Press, 1999.

В. В. Лапин
История Кавказской войны

Пособие к лекционному курсу

Редактор издательства

П. В. Ильин

Компьютерная верстка *Е.Ф. Качановой*

Подписано в печать 00.00.2003. Гарнитура NewtonС.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,5. Тираж 400 экз. Заказ № 6.

Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН
«Нестор-История»

Отпечатано в типографии
Издательства СПб ИИ РАН «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
Тел. (812) 2356815 nestor@mail.wplus.net
Тел./факс (812) 3774250 (отдел реализации).